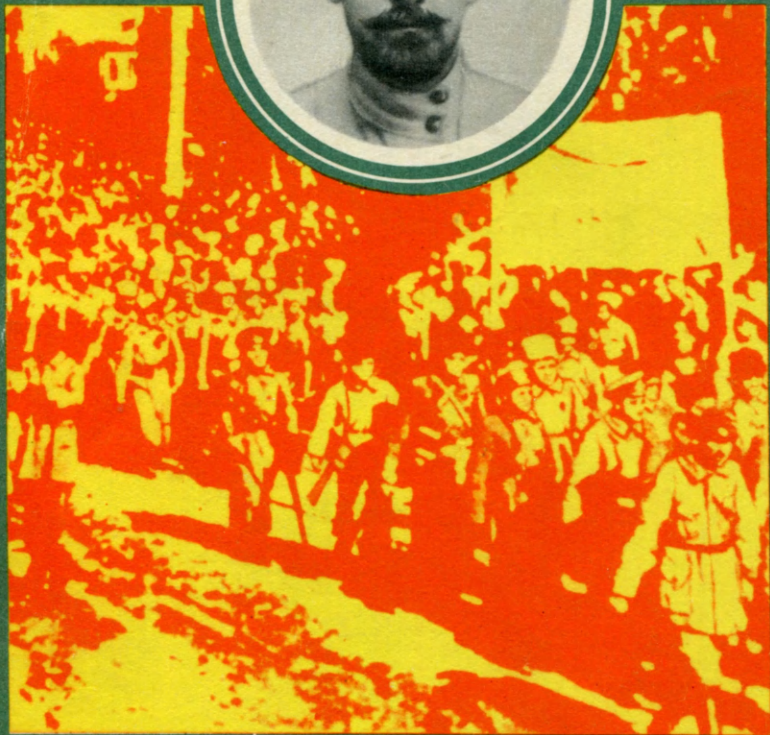

Тому, кто жизнь
свою отдал за рево-
люцию в передовых
окопах гражданской
войны.

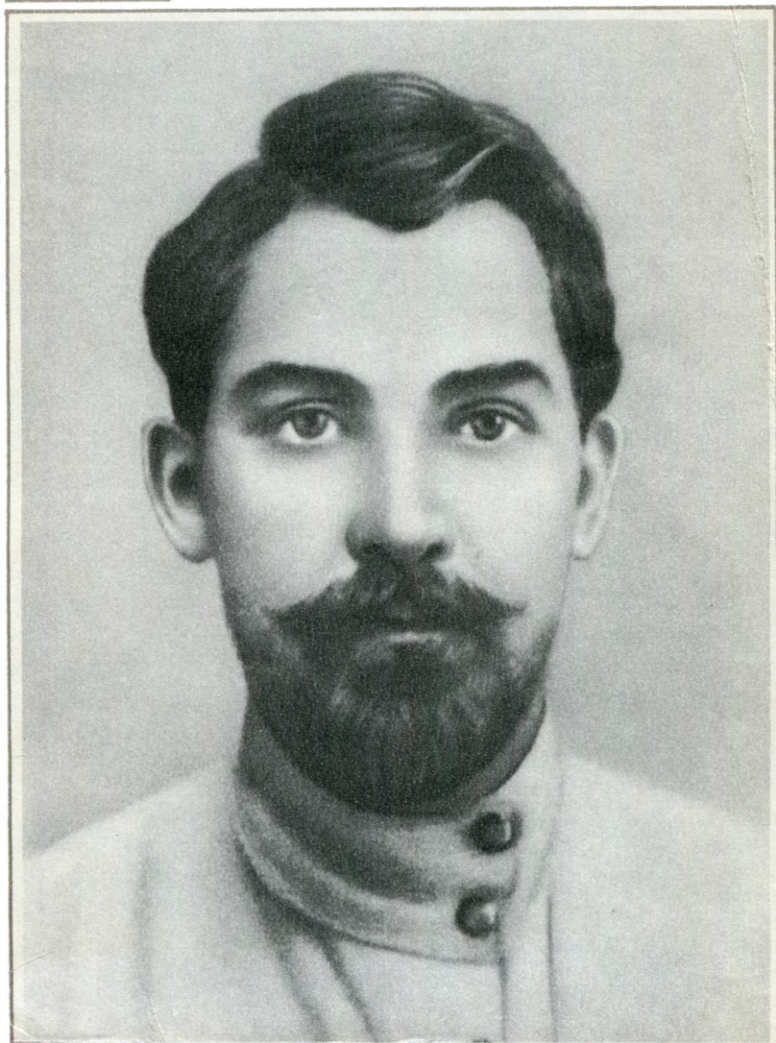
ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ

П. И. ПОЗНЯК

ЛЕГЕНДАРНЫЙ
НАЧДИВ

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ

П. И. ПОЗНЯК

ЛЕГЕНДАРНЫЙ НАЧДИВ

О Н. А. Щорсе

Москва
Издательство
политической
литературы
1984

Позняк П. И.

П47 **Легендарный нацидв: О Н. А. Щорсе.— М.: Политиздат, 1984.—112 с., ил.— (Герои Советской Родины).**

Короткую и яркую жизнь прожил герой гражданской войны Николай Щорс. Обыкновенный паренек, сын железнодорожника, окончив училище военных фельдшеров, был направлен на фронт. Тяжело заболев, Щорс в декабре 1917 года вернулся на родину, в Сновск. Подлечившись, в 1918 году становится организатором повстанческих частей на Черниговщине, возглавил Богунский полк, бригаду, во главе которой участвовал в освобождении Киева в феврале 1919 года. Летом 1-я Украинская советская дивизия Щорса вела тяжелые бои с петлюровцами, белополяками. Он находился в боях до последнего часа своей гибели 30 августа 1919 года.

Книга рассчитана на широкие круги читателей.

П 0505030102—343 180—84
079(02)—84

63.3(2)712.8
9(С)22

ШКОЛА

*Нас водила молодость
В сабельный поход...*

Э. БАГРИЦКИЙ

1

Старенький, серый от плотного слоя грязи автомобиль въехал на улицы Житомира, совсем недавно, в середине марта 1919 года, освобожденного от петлюровцев. Привлеченные шумом мотора, ребятишки выглядывали из-за заборов, старики на лавочках, приставив ладони козырьком, всматривались в пассажира, перебрасывались ленивыми фразами:

— Кто таков?

— Известно кто — Щорс.

— Что-то молод больно. Мальчишка! Даром что бороду растит...

Через улицу степенно переходило большое стадо гусей. Шофер вынужден был остановить автомобиль, приглушил мотор. Щорс, расслышав последнюю фразу, улыбнулся в русые усы. Не так-то и молод. Через месяц исполняется двадцать четыре. Просто сух, худощав, как юноша.

Переждав временный затор, шофер спросил:

— К штабу, Николай Александрович?

— А то куда же. Понятно, к штабу...

Всего несколько недель назад сменил он своего коня на автомобиль, вскоре после того, как вступил в командование дивизией.

Вот и сейчас он возвращался после смотра частей в западных районах. Трудно приходится бойцам, но гонят петлюровцев все дальше. Вот-вот к границе выйдут, и начнется долгожданная передышка. А она — ой как необходима!

Дело не только в том, что полкам нужен отдых. Пришло распоряжение о переформировании дивизии. На основе Богунского, Таращанского и Новгород-Северского полков он должен создать три бригады — по три полка в каждой. Легко сказать, создать. За бойцами, положим, дело не станет. Беднейшее крестьянство, середняки, рабочие идут в Красную Армию. Многие из пленных петлюровцев прозрели, вину перед народом хотят искупить. Он и их принимает.

А как вооружить, одеть, обуть, накормить эту массу людей? И главное, как укомплектовать взводы, роты, батальоны командными кадрами?

Сколько раз на различных уровнях поднимал он вопрос о создании школы красных командиров, но ответ один: не время. А когда же придет это время? Именно сейчас нужны толковые, хорошо обученные командирские кадры. Нет, больше он ждать не намерен!

Шофер лихо затормозил у высокого крыльца штаба. Щорс вбежал по ступеням, козырнул часовому.

— Исакович вернулся?

— Так точно, товарищ начдив! Вас ожидают...

Военный комиссар дивизии Исакович ездил в Киев, на 1-й съезд политработников Украины. Многого ждал он от этого съезда. Щорс, однако, крепко пожал комиссару руку, решительно сказал:

— Отчитываться о поездке будешь позже, Владимир Николаевич. А сейчас хочу обсудить с тобой неотложный вопрос. Думаю создавать школу краскомов. Хочу, чтобы выслушал мои планы.

Исакович привык к нередко проявлявшейся непреклонной категоричности Щорса — и до назначения на пост военного комиссара он не раз встречался с ним на дорогах гражданской войны — спокойно улыбнулся.

— Слушаю тебя, Николай Александрович. С чего начнешь, с учебной программы?

— Можно и с программы, — уже уравновешеннее ответил Щорс. — Я, кстати, не один день над ней думал. Учитывая ограниченное время, — стрельба, фортификация, топография, тактика...

— И политзанятия?

— И политзанятия! — теперь уже улыбнулся Щорс. — Ты меня нынче на таких вещах не поймаешь. Давно прошло время, когда я, мягко выражаясь, недооценивал этот фактор. Ведь школа наша, Владимир Николаевич, называться будет школой красных командиров, а не каких-то других!

— Тогда послушай и меня, товарищ начдив. Все-таки я не из экскурсии вернулся. Нужно решать еще один, не менее важный вопрос, который нам поручила партия. Строительство Красной Армии — это не только командные кадры. Нужно поднимать партийную работу, создавать в подразделениях коммунистические ячейки, организовать политотдел дивизии. Об этом говорил на съезде товарищ Подвойский.

— Инструкции есть? — поинтересовался Щорс.

— Такие же, как для твоей будущей школы. Послушали Подвойского, поговорили с товарищами из других дивизий — до остального будем доходить сами. Так что эти вопросы нам придется решать в одной упряжке.

До позднего вечера просидели в штабе. Подошел Никита Коцар, давний соратник Щорса, — еще на стадии формирования Богунского полка занимался политработой, был у командира правой рукой. Здесь же и «просватали» его на будущий политотдел. А еще — Зеленского, редактора дивизионной газеты. Договорились, что они возьмут на учет всех политработников в частях и подразделениях,

выяснят, кто на что способен. Пусть готовят наиболее достойных в партию, в каждом батальоне, в каждой роте создают крепкие ячейки.

Уже было за полночь, когда Щорс встал из-за стола, потянулся.

— Пора, однако, и на боковую.

— Верно, Александрыч, извини,— спохватился Исакович.— Ты ведь прямо с позиций, давно отдыхать пора. Я-то после Киева отоспался.

Он заметил и бледное лицо Щорса, и синяки под глазами. Встревоженно добавил:

— А вообще как у тебя? Болезнь прижимает?

Щорс большими шагами несколько раз прошелся по комнате, остановился возле Исаковича. Его серые, с грустинкой глаза озорно блеснули:

— Ты о фронтовом феномене слышал? Когда я учился еще в фельдшерской школе, нам преподаватели рассказывали. Потом и сам не единожды наблюдал такое. Солдату пуля в грудь навывлет, а он бежит в атаку, не чувствует в пылу боя, что ранен. Или вот, например, сидят окопники в траншеях осенью, по пояс в воде, сидят неделями, а их никакая простуда не берет. Так вот, я думаю, с моим туберкулезом тоже феномен произошел. Может, не фронтовой, может, революционный, если это не слишком громкое слово. Такие дела, Владимир Николаевич, нынче вершатся, что и болезнь меня щадит. Сам посуди: время ли сейчас в лазарете отдыхать?

Исакович покачал головой.

— Верно-то верно. А ты себя, начдив, все же побереги. Именно, чтобы не пришлось «отдыхать» в лазарете...

...Усталость сковывала тело, а спать не хотелось. Почему-то вспомнилось, как уже после Февральской революции его сняли с передовой и направили на курсы. Кто-то из однополчан-офицеров с издевкой проронил:

— Решил в классе пересидеть решающее наступление, гражданин прапорщик? Давай, давай. Пока ты вторую

звездочку на погон заслужишь, мы германца-то победим!

Он не отвечал на реплики. Стоит ли объяснять, что не за очередной звездочкой, а за знаниями ехал он на офицерские курсы. Коль уж так сложилась его судьба, нужно учиться. Да и многие из фронтовых товарищей открыто утверждали: на этом не кончится, придется еще схлестнуться и с Временным правительством, и со всей буржуазией.

Правильно говорили. Страна — в тисках фронтов. Кто только не заносит над нею свой меч! Царские генералы, германцы, украинская буржуазно-националистическая Директория со своим синежупанным «полководцем» Симоном Петлюрой. Сегодня каждый честный человек должен стать воином. Мужественным, преданным и умелым.

Отважных, лихих людей много. Но одной храбрости, преданности делу недостаточно для того, чтобы командовать, воевать грамотно. Учить их нужно.

Странно, еще недавно, еще какой-то год назад он едва ли считал себя профессиональным военным. Обстоятельства так сложились, что пришлось браться за оружие, командовать людьми. А когда наступало затишье, снова мечтал об университете, о профессии врача.

Сегодня же все это отступило на задний план. Кто знает, вот очистят они от врагов родную землю, а там, может, и отпадет необходимость в армии, в военных. И будут всюду только учителя и врачи, строители и художники. Но это светлое будущее нужно добыть в бою...

Проснулся, как всегда рано, с восходом солнца. Его ждала приятная неожиданность: ночью приехал командир таращанцев Василий Назарович Боженко. Крепко обнялись, расцеловались.

— Думал, в новой должности загордишься, узнавать перестанешь,— не выпуская Щорса из объятий, проворчал Боженко.

— Что ты, Назарыч! Мы с тобой такой ниточкой связаны, что до смерти не разойдемся. Я вот, кстати, как к лучшему другу просьбу к тебе имею...

Находясь под впечатлением передуманного за ночь, начал горячо рассказывать Боженко о создаваемой школе краскомов. Василий Назарович уважительно слушал, подтакивал, наконец неожиданно прервал:

— А вообще-то я никаких школ не кончал, однако, как видишь, полком команду исправно. Надеюсь, и бригадой также управлять буду.

— Ну не скромничай, Василий,— тактично возразил Щорс.— В офицерских училищах ты не учился, зато революционную школу киевского пролетариата закончил с отличием. Так вот я тебе, как сознательному революционному командиру, хочу напомнить: гляди, Назарыч, сотня самых лучших, самых отважных и преданных бойцов пришла в школу. Ты ведь знаешь, есть отдельные несознательные командиры, которые рассуждают так: хорошие красноармейцы мне самому нужны, пошлю-ка я лучше тех, от кого проку мало. И не понимают эти несознательные командиры, что самих же себя обкрадывают. Ведь пройдет несколько месяцев, и возвратятся к нему курсанты — уже командовать ротами, батальонами. И ежели он, тот командир, схитрил, послал на учебу нерасторопных, ограниченных, то сам же будет наказан. Они ему такого накомандуют...

Боженко крикнул, похлопал нагайкой по голенищу сапога.

— Это само собой, понятно!

— Да я в тебе и не сомневался,— вел далее Щорс.— Я это тебе о других, несознательных толкую. А ты, друже, обрати внимание еще на одно: чтобы ребята и внешними данными на командиров тянули. Скучно ведь смотреть, если впереди строя будет шагать этакий недоросток или горбатый какой. Одним словом, с себя мерку снимай!

Боженко спрятал хитрую улыбку, ушел. Исакович, несколько раз заглядывавший в комнату, спросил:

— Что ты, Николай Александрович, так его обхаживал? Будто торговлю какую вел.

— Не знаешь ты Назарыча! — весело ответил Щорс.—

Он с хорошим бойцом, как с личным оружием, на день не расстанется. Да, собственно, и большинство командиров так поступают. А нам ведь люди настоящие нужны, сам понимаешь!

Собрали первое заседание политотдела. Два человека, конечно, не очень громоздкий штат, но присутствовали Исакович, Щорс, начальник штаба дивизии Кассэр. Группа получилась представительная. Коцар сообщил, что уже связывался со штабом армии, обещают в ближайшие дни прислать нескольких опытных политработников. Все же станет легче. Зеленский зачитал список отобранных им активистов, которые должны были возглавить политическую работу в подразделениях.

Когда обсудили все вопросы, Щорс обратился к присутствующим:

— Товарищи, хочу, чтобы политотдел рассмотрел кандидатуру начальника создаваемой школы. Рассмотрел и, если не будет возражений, утвердил.

— Уже есть и кандидатура? — удивился Исакович.

— Медлить нельзя, Владимир Николаевич. Неизвестно ведь, на какой срок Петлюра с белогвардейцами нам вакансии устроили. Пока на фронтах относительное затишье, нужно действовать!

Фамилия Фатеева, служившего помощником у начальника штадива Кассэра, вызвала у некоторых товарищей удивление. Претензий к нему ни у кого не было, просто знали, что Щорс относится к кадровым офицерам царской армии с некоторым предубеждением. Уловив во взглядах недоумение, Щорс решительно заговорил:

— Знаю, знаю, что не пролетарского происхождения. Но преданность делу революции не раз доказывал. Выучку в армии прошел отличную, знания имеет огромные. А вы на его внешность посмотрите! Настоящий гвардеец! Что рост, что выправка — такой у курсантов сразу авторитет завоеует. Не чета моему бывшему начальнику генералу Калашникову, который фельдшерским училищем командовал.

Напоминал скорее обедневшего помещика. Правда, готовила наша школа не строевых командиров, а мастеров клистирной трубки...

— Однако тебя неплохо подготовила,— вставил свое Коцар.

— Не обо мне сейчас речь! — горячился Щорс. — Я считаю, что лучшего начальника для школы краскомов не сыщешь.

Скрипел Кассэр. Понятно, кому хочется расставаться с хорошим специалистом, однако Щорс его быстро убедил:

— Вам ли, Сергей Васильевич, не понимать всей важности дела, которое затеваем? Кадровому русскому офицеру...

Кассэр смущенно опустил голову.

— Все понимаю, Николай Александрович. Но от сердца отрываю работника.

— Вот и лады! — закончил дискуссию Щорс.

2

Приглашенный Щорсом для беседы Фатеев слушал начдива молча, не опуская взгляда. С ответом медлил.

— Вас что-нибудь смущает? — спросил Щорс.

— Я человек военный, товарищ начдив, приказы командования не обсуждаю, а выполняю. Однако...

— И что же — однако? — с нетерпением прервал его Щорс.

— Видите ли, в должности помощника наштадива я для бойцов — уважаемый военспец, а в качестве воспитателя, с которого должно во всем брать пример,— это уже другое дело. Не все бойцы отнесутся с уважением к моему прошлому!

— Нашли о чем печься, товарищ начальник школы красных командиров! — махнул рукой Щорс. — Вас должно сейчас другое беспокоить — нужно найти необходимое помещение, оборудовать, заготовить обмундирование, учеб-

ные пособия, позаботиться о продовольствии для курсантов. Дел достаточно.

— Срок? — коротко уточнил Фатеев.

Щорс довольно развел руками.

— Вот это деловой разговор. Однако больше недели дать не могу. Сами понимаете, время не терпит. Да и кто знает, надолго ли передышка?

Все же сомнения Фатеева, молчаливые вопросы некоторых товарищей на заседании политотдела без внимания не оставил. Правильно сказал вчера Исакович: и здесь, в школе, умному начальнику понадобится крепкая партийная поддержка.

В помощники к Фатееву он уже присмотрел человека. Кирпонос. Способный командир, хорошо проявил себя и в империалистическую, и в гражданскую. Большевик с 1918 года. Такой подойдет. Вот еще бы комиссара толкового.

Но с подбором комиссара дело не ладилось. Щорсу нужен был человек особый — ведь какое дело он ему вверял. Перебирали кандидатуры, Исакович звонил в штаб армии — все напрасно.

— Вот что, Владимир Николаевич,— не выдержал Щорс.— В создании политотдела я тебе всемерную поддержку оказал. Поддержи теперь меня. Нужен либо Зеленский, либо Коцар!

Исакович передернул плечами.

— Эка куда хватил. Да ведь они себе еще рабочих мест не оборудовали...

Но встретившись со взглядом начдива, как обычно твердым, не терпящим возражений, вздохнул:

— Ладно, бери Зеленского. Сам понимаю, что возражать тебе не имею морального права.

Зеленский принял новое перемещение философски, только заметил:

— Если в следующий раз будете выдвигать меня в командармы, предупредите хоть за неделю. Форму закажу...

— Ну-ну, товарищ комиссар, не зазнаваться! — охладил его Щорс. — Ты еще оправдай доверие!

Для организации школы Щорс дал Фатееву самые широкие полномочия. Все, что нужно для оборудования, реквизировать у местной буржуазии. Вон сколько домов богатеев стоят заколоченные, хозяева их удрали с Петлюрой.

Что касается преподавателей, то следует внимательно разобраться с военспецами, служившими в дивизии. Нужно познакомиться и с местными учителями, среди них тоже могут оказаться толковые специалисты. Одним словом, нужно искать, проявлять инициативу...

Щорса захлестнула волна неотложных дел. Переформирование дивизии требовало не только решения огромного количества сложных вопросов, но и его личного присутствия в частях и подразделениях.

Когда пунктуальный Фатеев пришел за ним, не сразу сообразил, что истекли отпущенные ему для устройства школы семь дней. Виду не подал, но когда Фатеев привел его к зданию бывшего епархиального училища — отремонтированному, чисто выбеленному, не мог скрыть удовольствия.

Молодцы товарищи, хорошо постарались. Классы отремонтированы, в них стоят парты, столы, в спальнях аккуратно заправленные койки, тумбочки, хорошо оборудована столовая. Получено оружие, снаряжение, обмундирование. А какой клуб устроили! Есть и библиотека неплохая с просторным читальным залом.

Шаги гулко отдавались в необжитых комнатах. Щорс не ходил — летал по зданию. Фатеев и Кирпонос корректно, на полшага сзади, следовали за ним. «Сколько же находчивости, энергии нужно было проявить,— думал Щорс,— чтобы за одну неделю повернуть такую работу! Нет, здесь дело не только в четком выполнении приказа начдива. Видно, товарищи сами увлеклись!»

Бойцы съезжались. Переодевшись в новенькую форму, становились курсантами. Щорс стремился встретиться и

поговорить с каждым. С радостью узнавал знакомые лица, отмечал, что не только богунцы — и Боженко, и командир новгород-северцев Черняк прислали на учебу самых достойных.

В течение нескольких дней он, казалось, ничем другим, кроме школы, не занимался. Сам проверял довольствие, беседовал с преподавателями, сам объезжал окрестности, намечая места для полигона.

Товарищи подшучивали: любимой женщине столько не уделяют внимания, сколько он школе. Что же, может, они и правы. В этом его жизнь.

Нужно сделать все для того, чтобы эти три сотни отважных ребят, собранных сейчас его волей в Житомире, прошли прямой и четкий путь к званию красных командиров. Политической закалки, ясности цели им, уже полтора года защищающим революцию, не занимать. Вооружить их нужными профессиональными знаниями, воспитать, закалить — вот задача школы.

Завтра — первый день занятий. Кажется, все продумано, все учтено. Подробно разработаны программы, сориентированы преподаватели, укомплектована материальная база. А все-таки как-то тревожно на душе.

Завтра перед началом занятий он должен выступить перед курсантами. О чем сказать им? О том, что их боевые товарищи сейчас ведут кровавую борьбу с врагами, жизнями своими завоевывают им право на учебу? Что Советская республика, отрывая от себя последнее, снабдила их всем необходимым для получения знаний?

Но разве ребята сами не понимают этого?

...Утреннее майское солнце золотило крыши домов, сверкало на молодой зелени деревьев. С развернутым красным знаменем курсанты шли к просторному плацу, выстраиваясь повзводно, поротно. Щорс смотрел на четкий строй и, казалось, каждой клеткой ощущал прилив неизмеримого счастья.

ЗАПАХ ПОРОХА

*Морины окопов легли на чело!
Т-с-с-с-с-с...—
грохот.
Барабаны, музыка?
Неужели?
Она это,
она самая?
Да!
НАЧАЛОСЬ.*

В. МАЯКОВСКИЙ

1

Слово «война» прокатилось в звонком июльском зное и повисло, увязло, затерялось в пыли бесконечных дорог.

...Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши жены?..

Длинные дороги Российской империи, необозримы ее просторы. Уже ползут трактами, большаками, проселочными дорогами груженные обозы — на запад. Идут батальоны — на запад. Мелькают на полустанках товарняки со стандартными надписями на вагонах: «...лошадей ...солдат».

Тысячи низших чинов и господ офицеров уже кладут головы за веру, царя и отечество.

А десятки тысяч людей — велика Российская империя! — еще и не знают о случившемся. Что-то слышали об убийстве в Сараеве, о союзнических обязательствах его императорского величества. Ползут слухи — всему ли верить?

Как ни странно, не знал об этом и молодой, щеголеватый, в новеньком мундире, только что испеченный военфельдшер,

следовавший третьим классом из Киева в Сновск. Правда, еще на киевском вокзале обратил внимание на необычное оживление, скопление военных, но как-то не придал этому значения.

Голова была занята другими мыслями. Очень ждал встречи с отцом. Тот всегда говорил: «Николай, люди мы скромные, без голубых кровей — все от тебя, от твоего усердия будет зависеть...» Что ж, никто не скажет, что он не старался. В свидетельстве, спрятанном в боковой карман френча, сплошь хорошие оценки.

Первый шаг сделан. А там, если все ладно пойдет, может, и в университет удастся пробиться. Нет, не придется отцу краснеть за своего сына.

И только когда прибыл в Бахмач, где предстояла пересадка, его огорошил знакомый железнодорожник, отцовский товарищ:

— Колька! Щорс! Тоже на позиции?

В ответ на недоуменный взгляд Николая покачал головой:

— Эх ты. Не знаешь, что ли, война с германцем!

Не успел приехать в Сновск, как прибыл вызов из школы — нужно незамедлительно возвращаться в Киев. Толком даже не поговорил ни с отцом, ни с братьями, ни со старыми друзьями. За столом все сидели как в воду опущенные.

— Да полно вам! — попробовал разрядить обстановку Николай. — Вот еще награду привезу с войны!

Отец окинул сына грустным взглядом.

— Оставь, Коля, не знаешь ты еще, что такое война...

Киев оглушил шумными манифестациями верноподданных. Люди в мундирах и добротных партикулярных сюртуках произносили речи. Возбужденные гимназистки махали платочками вслед проходящим колоннам. Уличные тумбы пестрели объявлениями о благотворительных вечерах, пожертвованиях.

С вокзала с легкой котомкой через плечо Щорс отправился пешком. На углу Бибиковского бульвара купил све-

жий, еще влажный от типографской краски номер «Киевлянина». Газета писала, что все классы объединились, чтобы нанести сокрушительный удар по врагу.

На Владимирской улице пришлось остановиться, пропустить манифестацию. Над толпой колыхался большой портрет Николая II.

Гул манифестации неожиданно нарушился: два дюжих усача вытолкали из рядов парня, по виду мастерового — в подпоясанной узким ремнем косоворотке и фуражке с лакированным козырьком. От крепкого пинка парень растянулся на тротуаре, но быстро подхватился, отряхиваясь, стал рядом с Николаем, зло прожигая толпу своими черными цыганскими глазами.

— Видал, как классы-то объединились? Рабочие с подольскими лавочниками...

— Чего-о-о? — протянул Николай.

Парень быстро сунул ему в руку сложенный вчетверо листок.

— На, читаешь на досуге. Может, поумнеешь. Телачьи восторги пройдут.

Сказал, ожег еще раз черными глазами и растворился в сутолоке. Николай развернул листок, пробежал первые слова. «Товарищи, мы должны все, как один, сплотиться для великой борьбы за освобождение родины от гнета помещичьего самодержавия. Только революция...»

Тут же спрятал листок в карман. Знает он эти листки. Из-за них, поди, и дядя Казя в ссылку угодил. Да и сам он однажды едва из беды выбрался. Дал ему как-то дядя Казимир, когда Николай в Сновске на каникулах был, прочитать одну брошюрку, а он ее решил в Киев отвезти, товарищам показать. И надо же такому случиться — уже на вокзале привязались стражники Воскобойников и Вогда, которые дядю «опекали». Давай нагло шарить в котомке, мундир ощупывать. К счастью, не нашли, а отцу объяснили: мы, дескать, должны проверять порядок форменной одежды у царских слуг...

Отец, вероятно, догадался. Взглядом указал на меньших братьев и сестер, вздохнул:

— Не рискуй напрасно, Николай. Видишь, сколько их, все твоей помощи ждут!

Манифестанты прошли, свернув в сторону Крещатика. Николай пересек мостовую и углубился в сквер напротив университета. Грустно посмотрел на его красные колонны. Мечтал, что удастся когда-нибудь попасть сюда, на медицинский. Теперь, конечно, не до того. Выбрал пустую скамейку у бассейна, своими очертаниями напоминавшего Черное море, сел и снова вынул из кармана листовку. Здесь никто не помешает.

«Только революция, — продолжал читать, — только свержение этого кровавого правительства, конфискация помещичьих земель и наделение землей крестьянства, только 8-часовой рабочий день и демократическая республика дадут возможность России развиваться и без кровавых завоеваний!

Долой самодержавие насильников! Долой войну! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революция! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия! Да здравствует социализм!»

Щорс механически сгибал и разгибал листок, уставившись взглядом в видневшиеся за зеленью красные университетские стены. Показать бы эту листовку дяде Казимиру, его товарищам, те бы растолковали, что к чему. Да где он сейчас, Казимир Михайлович Табельчук? Сибирские руды киркой осваивает.

А жизнь — вот она, вокруг него бурлит, кипит, через край переполняется. С одной стороны, ему самому претит смотреть на подвыпивших купчишек, лавочников с Подола, чиновников, словно проглотивших аршин и боящихся неосторожным движением его поломать, когда они шествуют по улицам, провозглашая свои верноподданнические чувства. Они — не народ. Но с другой...

Дело же, черт возьми, не в Романовых. Как можно кричать сейчас — долой войну? Страну нужно защищать, честь и славу своего государства. Хотя в той листовке тоже говорится о чести и славе отечества. Как тут разобраться, кто прав? Голова кружится от мыслей.

Николай не спеша спустился на Бессарабку. Здесь, как всегда, толкотня, шум, гам. Пронзительно дребезжит трамвай, переругиваются извозчики, заывают прохожих торговки. Бессарабка она и есть Бессарабка: базар, ночлежка, бродяги, цыгане.

А пройти немного, подняться по Госпитальной улице — и уже дома. Вернее, в школе. Четыре года провел здесь Николай. Однокашники шутили — в каземате. Фельдшерская школа, действительно, размещалась в старой крепости. Рассказывали, еще перед нашествием Наполеона возвели на Печерске, который был тогда центром города, мощные фортификационные сооружения. От форта к форту потянулись толстые кирпичные стены с бойницами, земляные валы, сложные лабиринты подземных ходов.

Правда, сражаться в печерских крепостях не пришлось. А теперь ищут для них какое-то полезное применение. В одной — завод, в другой — тюрьма, в третьей, вот, школу военных фельдшеров разместили.

В таком же мощном здании напротив расположился военный госпиталь, где они проходили практические занятия. Между ними широкий плац, а вокруг — земляные стены, валы. Сколько дней здесь прошло, зачастую в муштре, зубрежке, а все равно все кажется родным.

Однокашники Щорса съехались уже почти все. Настроение у ребят приподнятое, хотя и чувствуется в каждом определенная взвинченность, нервозность.

— Проучим германцев, други!

— Слава богу, в дело пойдем. Не придется прозябать в заштатных тыловых лазаретах...

Предписания вручал сам начальник школы генерал Калашников. Строгий, но, если разобраться, неплохой, спра-

ведливый человек. Николай вспомнил, как нервничал его отец, рядовой железнодорожный машинист, «проталкивая» сына в школу. Ни чинов, ни знакомств — примут ли? Калашников обнадежил, а потом сам сообщил — зачислен.

Медицинский фельдшер с правами вольноопределяющегося второго разряда, Николай Щорс получил назначение в Виленский военный округ.

В тесном, душном вагоне расположились с несколькими товарищами по школе.

В Вильне¹ Щорса приписали к третьему мортирному артдивизиону. В часть он попал к сроку — дивизион, оставляя казармы, выступал к реке Неман. Выйдя на правый берег реки, мортирный дивизион намертво зарылся в землю и остановился.

Больше всего томило и раздражало Щорса вынужденное безделье. Где-то льется кровь, люди подвиги совершают, а у них артиллеристы втихую бегают к реке ловить рыбу, прямо за брустверами собирают грибы и варят на костре похлебку. Лазарет даже не разворачивали — для кого? Санитары скучали в одной землянке, он с военврачом Петром Свиридовичем Ивлевым — в другой.

Хорошо хоть начальник приличный попался. Приблизил к себе молодого фельдшера, офицерам представил, книги дает читать. Кабы не книги — удавиться бы в пору с тоски.

Петр Свиридович хорошо знал Киев, оказывается, когда работал там в военном госпитале, а ученикам фельдшерской школы практику преподавал. Совсем земляки!

Вечерами они часто вели неторопливые беседы. Однажды Николай поделился мыслью — выучиться бы на строевого офицера, чтобы попасть в настоящее дело.

Ивлев выслушал с легкой иронией, хитровато прищурил глаза.

— Мальчишка ты еще, в сущности, Коленька. На жизнь сквозь страницы устава смотришь, а эта книга, братец ты

¹ Ныне Вильнюс.

мой, куда более сложная и запутанная. Одно тебе скажу определенно — рвения твоего в дело быстрее попасть — не из-за трусости не разделяю. Война — противоестественное состояние для каждого человека, тем более для нас с тобой, с медицинской обвенчанных. Другое дело, если ты хочешь стать офицером. Над этим стоит подумать.

Пришла зима. Сосны нарядились в пышные белые шапки. Появилась новая забота — запастись дровами. Землянки к утру выстуживало так, что невозможно было вылезти из-под одеяла.

Но вот тыловая жизнь наконец окончилась.

Начались кровопролитные бои. Раненых размещали в землянках, выдолбленных в мерзлом грунте, и в палатках. Работы было невпроворот. Щорс ассистировал Ивлеву во время операций, делал бесчисленные перевязки. Однажды, осматривая новую партию раненых, он остановился у нар. Истощенное, без кровинки лицо показалось неожиданно знакомым. Что-то шепчут в беспамятстве губы. Вдруг вспомнил — ведь это же тот парень, мастеровой из Киева, сунувший ему листовку!

Ночью Николай несколько раз подходил к его постели. Только перед рассветом молодой солдат пришел в себя. Долго смотрел на Щорса, наконец по его лицу пробежала тень улыбки. Узнал.

— Что,— прошептал,— воюем до победного конца?

Николай резким движением остановил его: не разговаривай, тебе нельзя!

— Теперь все равно,— тяжело выговорил парень.— Мое дело конченное...

Он силился что-то сказать, наверное, очень важное для него, но у уголка рта появилась розовая пена. Взгляд — жгучий, злой — остановился, начал тускнеть.

— Отошел Ванюшка,— услышал за спиной приглушенный, простуженный голос Щорс.

Бородатый унтер с перебинтованной головой едва заметным, привычным движением — очевидно, не раз уже

повторяемым,— закрыл солдату глаза. Минуту постоял молча, крякнул.

— Знакомец, поди, ваш? Глядел — все вы к его постели подходили...

— Так, приходилось встречаться,— ответил Николай.

— Правильный был солдат. Войну поругивал, а воевал честно. Кабы не он, наших там во время прорыва не менее десятка легло бы. Прикрыл товарищев. А сам уже вдогонку получил полный фронтовой паек.

Щорс уже видел смерть близких или просто знакомых людей. Но эта почему-то особенно потрясла Николая. Кого-кого, но его — распространителя листовок — не ожидал он встретить здесь. Да еще, как сказал бородатый унтер, в роли правильного солдата, совершившего подвиг. И то горькое, недосказанное, что хотел в последнее мгновение сообщить ему парень, будоражило душу, как тайна, которой уже никогда не суждено было раскрыться.

2

Мортирный дивизион, при котором служил Щорс, все лето вел тяжелые оборонительные бои. В те жаркие месяцы не было времени для раздумий — по восемнадцать часов в сутки операции, перевязки, к ночи замертво падал на нары и забывался тяжелым сном.

В нем все более крепло желание стать офицером.

Кто-то из знакомых сказал: для приема в офицерские школы требования сейчас помягче — слишком много людей съедает фронт.

И Щорс решил, подал рапорт командиру дивизиона. Тот не возражал. Знал, что молодой военфельдшер во время кампании зарекомендовал себя с лучшей стороны.

Его приписали к 277-му пехотному батальону, отправлявшемуся к Минску. Несколько месяцев прошло в томительном ожидании вызова. Наконец он прибыл. Щорса вызывали в Полтаву, куда было переведено Виленское офицерское училище.

Учеба проводилась по сверхускоренному курсу. Из-за острой нехватки офицеров производство в прапорщики предполагалось через четыре месяца.

Занятия были напряженные. По весенней распутице ходили в учебные атаки, проводили стрельбы, потом, мокрые и уставшие, садились за классные столы.

Николай учился жадно, стараясь не пропустить ни слова. А в немногие свободные часы отправлялся в библиотеку, листал книги и журналы. В учебниках разбирались старые операции. Тогда Щорс начал внимательно изучать помещенные в журнале «Нива» дневники военных действий, сопровождаемые картами.

Заставая его за картами, товарищи по учебе удивленно поводили плечами, некоторые донимали насмешками:

— Господа, Щорс готовится прямо в генералы. Звание прапорщика его не устраивает!

— Не в генералы, а воевать готовлюсь! — преодолевая раздражение, твердил Николай. — Грамотно воевать, чтобы побеждать!

Карты ответа на причины поражений не давали. На них все казалось правильным. Так почему же неудача за неудачей сыпались на русскую армию?

Может быть, потому, что разные «фоны» и княжеские отпрыски смотрят на солдатскую массу как на убойный скот, промышленники торгуются, кому достанется более лакомый кусок? Да и у солдата настроение не то. Это чувствовалось еще в прошлогоднюю кампанию. Истошал, завшивел, обзавелся от окопной жизни солдат. В отношении к офицерам — скрытая мужицкая ирония, а то и откровенное недоброжелательство. Только и разговоров, что о доме: у того семья голодает, у другого последняя лошаденка пала...

Снова и снова возвращался мыслями в родной Сновск. Всплывали в памяти события более чем десятилетней давности: взбудораженное депо, застывшие в непривычном молчании паровозы и возбужденные люди, силящиеся перекричать друг друга.

Ему тогда еще не исполнилось и десяти, но он хорошо помнит, о чем все говорили. В Петербурге, Москве, других городах — революция, царь расстрелял мирную демонстрацию. Александр Васильченко, подручный его деда, Михаила Табельчука, взобравшись на паровоз, призывал железнодорожников братья за оружие...

События 1905 года для сновских рабочих окончились без кровопролития: кое-кого похватали жандармы, на том и обошлось.

Отец Николая, машинист Александр Николаевич Щорс, в стачке участия не принимал. А вот дядя, Казимир Табельчук, брат покойной матери, кое-что ему рассказал. Николай не знал, состоит ли Казимир Михайлович членом РСДРП. О том, что такая группа существовала в Сновске, говорили многие. Жандармы за дядей Казимиром следили постоянно, их опеку Николай ощущал и на себе. А тот факт, что после маевки 1914 года Табельчука арестовали и, хотя при обыске ничего компрометирующего не нашли, сослали в Сибирь, говорил о многом.

От дяди Казимира Щорс впервые услышал об Ульянове-Ленине, создавшем революционную рабочую партию, о Петровском, отстаивавшем народные интересы в Государственной думе, о том, что большевики хотят свергнуть власть царя и создать государство, в котором хозяевами будут рабочие и крестьяне.

Но жизнь надолго разлучила его с рассудительным, так много знающим Казимиром Михайловичем, окунула в водоворот бурных событий. Интересно, как бы оценил он, Табельчук, сегодняшнее положение, какую позицию занял бы в отношении войны? Может, и в самом деле рассудил бы, что не с германцем нужно сражаться, а в своей стране наводить порядок? Но как? Ведь идет война, жестокая, кровопролитная...

Четыре месяца учебы пролетели быстро, в мае 1916-го состоялось производство в прапорщики. Щорс получил назначение в 142-й пехотный запасный полк, на Юго-Запад-

ный фронт. Как горевал он, что его перебрасывали из части в часть и только к концу осени 1916 года назначили на должность младшего офицера роты 335-го Анапского полка. Наконец Щорс попал в свою роту, стоявшую на берегу реки Прут. Настроение здесь, на позициях, было отнюдь не победное. Ходили в дозоры, редко делали небольшие вылазки к противнику. Иногда постреливали через реку. Потерь практически с обеих сторон было мало.

Щорс сблизился с прапорщиком Митиным. Без лихачества храбрый, выдержанный, серьезный, он вызывал искреннюю симпатию. Как-то, возвратившись с вылазки, преподнес Николаю трофейный хронометр. Сказал немного загадочно:

— Желаю, Щорс, чтобы он тебе новое время начал отсчитывать!

— Это как же понимать?

— В самом прямом смысле! — серьезно ответил Митин.

Щорс сокрушенно вздохнул.

— Новое время. Все о нем толкуют, только каждый по-своему. А мне кажется, что, пока мы германца не разобьем, ни о каких переменах к лучшему говорить нельзя.

Митин улыбнулся.

— Щорс, ты такое имя — Ленин — слышал?

— Да кто же сегодня не слышал о Ленине...

Прапорщик расстегнул карман френча, зашуршал бумагами.

— Дам я тебе прочесть два документа. Надеюсь, конечно, на твою, как бы это назвать, скромность, что ли. Первый называется «Война и российская социал-демократия». Это Манифест ЦК РСДРП, созданный на основе присланных Владимиром Ильичем тезисов. Опубликован еще в конце 1914-го. И один из последних номеров газеты «Социал-демократ» — в нем статья Ленина «О сепаратном мире». Между ними — целых два года. Когда прочтешь, увидишь, что отношение Ленина к этой войне не меняется.

До поздней ночи Щорс читал и перечитывал потерянные листки. Слова о необходимости превратить империалистическую войну в войну гражданскую, в революцию против господствующих классов, о том, что буржуазно-шовинистическому лозунгу «защиты отечества» нужно противопоставить лозунг поражения царского правительства, приобретали особое значение, когда он вспоминал увиденное и услышанное за два года окопной жизни. Как же различно отношение к войне ее участников! А страдает солдат. Зачем в самом деле нужна очередная победа рядовым его полуроты, когда мысли их заняты печальными делами дома. Хозяйство рушится, дети голодают. Да займи они хоть всю Германию, станет ли от этого легче солдату?

И вот волнующее, загадочное, будоражащее умы слово, которое до сих пор боялись произносить вслух, открыто прозвучало в февральской ростепели. Революция! Однако никто толком ничего не мог объяснить. Говорили, что государь отрекся от престола, власть перешла к Временному правительству. Взвинченные прапорщики и подпоручики, нацепив красные банты, протягивали солдатам блестящие портсигары.

— Угощайтесь, братцы, смелее, нынче — демократия!

Солдаты брали загрубевшими пальцами папиросы, кашляли в кулак.

— А как насчет земли, вашбродь, намечается ли какая перемена?

— Мир с германцем скоро ль заключат?

— Никаких «благородий»! Нынче революция! И вообще ты не о том говоришь. Вот победим германца, тогда будем домашние дела устраивать...

Щорс пытался разобраться в событиях сам, но безуспешно. Если произошла революция, о которой столько говорили и мечтали, за которую шли на каторгу и под пули, почему же ничего не меняется здесь, на фронте?

А конца войне не было видно. Готовилось новое наступление. Штаб армии направлял группу офицеров на курсы. Выдали направление и Щорс.

Занятия начались в апреле, под Черновцами. Большинство офицеров особого рвения к учебе не проявляло, кое-кто посмеивался над его старательностью. Щорс подавлял вспышки гнева. Пускай себе изошряются в остроумии. А он будет учиться. Потому что новое время, о котором говорил ему Митин, еще не пришло. И, судя по всему, за него еще придется побороться. С оружием в руках...

Но его все чаще стало одолевать чувство какой-то непонятной общей усталости, опустошенности. Появился кашель, тупая боль в груди. С каждым днем становилось все хуже.

Уже перед окончанием учебы решил сходить к врачу.

Седой краснолицый старик выстукивал его, сердито кряхтел, прослушивая грудь. После недолгого молчания сказал:

— Не смею вводить в заблуждение — тэ-бэ-цэ, батенька мой. Как ни печально в ваши-то годы... Вот они, последствия окопной жизни. Или по наследственности туберкулез получили?

— Мать от этого умерла,— тихо ответил Щорс.

Врач развел руками.

— Ну, вам о смерти помышлять рано. А вот лечиться необходимо. Считайте, батенька, что эту войну вы уже окончили.

Через несколько дней слушатели курсов выстроились на плацу. В зачитанном приказе значилось, что Николай Александрович Щорс производился в подпоручики. Щорс по форме вышагал из строя, принял документы. Делал это механически, будто во сне.

В армейском лазарете его не задержали, отправили долечиваться в Симферополь.

Плоский, как блюдо, пыльный, знойный город. Впрочем, все ему сейчас казалось опостылевшим. Легко ли сказать: в двадцать два года — смертный приговор...

Нет, он не был трусом и никогда за военные годы не боялся смерти. Но здесь — не фронт, и чувствовать себя обреченным, приговоренным было бесконечно больно и обидно. Мог бы обманывать себя, утешать, да ведь сам имеет медицинское образование. От правды не уйдешь...

Он обычно сидел один в больничном дворике 61-го отряда Красного Креста, думая свою невеселую думу. Иногда издалека, с плаца, где занимались шагистикой запасные, до него долетали бодрые слова строевой песни:

— Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши деды?..

Кто-то еще надеялся на новые «славные победы». Откуда? Сколько надежд возлагали люди на революцию, но ведь что изменилось? Та же бессмысленная война с немцами до непонятной, не видной за дымами снарядных разрывов победы.

Домой писал редко. Настоящую причину своего пребывания в лазарете не назвал, не хотелось огорчать отца, братьев, сестер. Сослался на легкое ранение. Неожиданно пришло письмо от дяди Казимира. Оно и огорчило — Казимир Михайлович вернулся из ссылки тоже с туберкулезом — и обрадовало. О своей болезни дядя писал легко, будто обычный насморк схватил, звал племянша поскорее возвращаться домой, чтобы принять участие в предстоящих больших событиях.

Каких? Казимир Михайлович, он знал это твердо, зря слов на ветер не бросал. Значит, то, что случилось в феврале, — не конец? Готовится что-то новое, значительное?

Сюда, в Симферополь, вести о событиях докатывались медленно. Но это ворвалось словно буря: в Петрограде — революция! Временное правительство низложено, власть взяли большевики. Изданы декреты о мире, о земле.

Щорс бегом отправился в запасной полк. Солдаты сгруппировались вокруг матроса в расстегнутом бушлате, засыпали его вопросами. Многие интересовались положением на Украине, но матрос достоверных сведений не имел. По слухам, было в Киеве вооруженное восстание, но власть захватили буржуазные националисты, ратуют за «самостийную», за отделение от России.

— Ишь, каналы! — вставил свое Николай, но закашлялся. Отошел в сторону, приложил к губам платок — снова кровь.

«Болезнь болезнью, — подумал зло, — а кое-что он еще может сделать. И нечего засиживаться в лазарете, когда в стране вершатся такие дела!»

Лазарет постепенно пустел. Отбывали куда-то офицеры, каждый лишь в ему известном направлении. Обратился и Щорс с просьбой комиссовать его, отпустить домой лечиться. Начальство не возражало. Ему выдали свидетельство о том, что от воинской повинности по состоянию здоровья он освобождается полностью.

Николай собрал пожитки и отправился на вокзал.

Трудной была дорога домой. Казалось, не так далеко, всего несколько сот километров, но что это были за километры! Поезда часами простаивали на полустанках, на каждой остановке вагоны штурмовали армии мешочников, отпущенных или беглых солдат, переселенцев. Наломала дров война, разбросала людей по всей земле, скоро ли каждый прибудет по назначению, найдет свое место? Ой как нелегко будет новой власти навести во всем этом порядок!

Однако же какой власти? Всего несколько сот километров пути, а через каждые два-три часа сменяется власть. Настоящая «чересполосица»! Над некоторыми станциями развеваются красные флаги, кое-где устрашающе перепоясанные пулеметными лентами матросы бузят у вагонов с надписями «Анархия — мать порядка». А больше всего — синежупанников, гайдамаков. Тех, которые, пользуясь си-

туацией, пытаются создать «самостийную», буржуазно-националистическую украинскую республику.

Находясь в лазарете, Щорс слышал о том, что вскоре после Февральской революции украинская буржуазия, опираясь на кулачество, учредила так называемую Центральную раду. А теперь, рассказывают, пока большевики дрались на баррикадах, Рада захватила власть. Вот ведь как случается!

Морозы прижимали. Скоро иссяк скудный паек, полученный в лазарете. На остановках к вагонам приходили добротные одетые и обутые мужики, предлагали хлеб, сало в обмен на пулемет, в худшем случае — на винтовку или бомбу.

«Вот он, резерв Петлюры и прочих хозяев Центральной рады», — думал Щорс. В котомке у него хранилось две гранаты, но, глядя на сытых кулацких сынков, приценивавшихся к оружию, зло стискивал кулаки: да лучше с голоду умереть, чем сменять на их хлеб эти гранаты. Не дождутся!

С горем пополам добрался в родные места.

Когда за домашним просторным столом осушили по рюмке, прибежал дядя Казимир. Тряс Николаю руку, любовно окидывая взглядом его сухую, подтянутую фигуру.

— Гляди, какой гвардеец вымахал! А ведь вчера только хлопчиком был. И вот тебе, настоящий боевой офицер. Ну рассказывай, с чем прибыл в наши края?

Николай опустил взгляд. Все равно шила в мешке не утаишь. Рано или поздно узнают.

— Хвастать нечем, дядя. С туберкулезом прибыл... Казимир Михайлович сгоряча чертыхнулся.

— Тьфу, балбес! Я из Сибири ту же награду привез. Да что же мне из-за этого загоя в гроб ложиться?

Табельчук страстно рассказывал племяннику о сложности настоящего момента, о бесчисленных врагах, угрожающих молодой Советской республике, о предательских

действиях Центральной рады, которая лижет сапоги то французам, то немцам — лишь бы втянуть Украину в братоубийственную войну с Россией.

— Одним словом, драться еще придется, Колюша. И грамотные командиры нам очень понадобятся!

С облаком морозного пара в избу ворвался брат Константин.

— Николай, ховайся! Да побыстрей... Чекисты в город приехали, офицеров вылавливают. Кто-то на Николая донес. Могут сейчас к нам пожаловать.

Казимир Михайлович возмутился:

— Что ты мелешь, Емеля. Да у нас же, слава богу, Советская власть. Сейчас пойду к Михайловскому, он Совет возглавляет. Тоже нашли, понимаешь ли, врага!

Отец взволнованно заходил по комнате.

— Помолчи, Казимир. Пока будешь Михайловского искать, Колю заметут.

Пришлось затаиться на чердаке у друга детства, Дмитрия Плюща. Зябко кутаясь в полушубок, Николай всю ночь не смыкал глаз. Горькая обида давила горло. Какая нелепость! В родном городе, где народная власть, где Совет возглавляют друг его отца, дядя Казимир, другие достойные люди, он, фронтовик, сын рабочего, оказался в роли врага...

Утром за ним пришел Табельчук. Словно извиняясь, сообщил, что конфликт улажен. Потом уже тверже добавил:

— Однако ты, Николай, обиды на чекистов не держи. Сейчас через Украину на Дон, к Каледину, много белогвардейской шушеры пробирается.

Он задержал внимательный взгляд на лице племянника.

— Учти, Николай, время сейчас такое, что не быть врагом народной власти мало. Нейтральным тоже оставаться нельзя!

— Да уж урок получил основательный,— грустно улыбнулся Щорс.— Но могу тебя уверить, дядя, что в роли постороннего наблюдателя я не собирался оставаться!

В БОЙ РОКОВОЙ...

*Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?*

М. ГОЛОДНЫЙ

1

Тихий Сновск, затерявшийся в лесах на невидимом рубеже, где границы Украины почти сходятся с Белоруссией и Россией, шумел, бурлил, жил невиданной доселе насыщенной жизнью. В Совете давали отпор меньшевикам, налаживали работу школы, больницы, производство необходимых продуктов. Приходилось вступать в открытые схватки и с гайдамаками.

Щорс впервые за много лет видел вокруг себя по-настоящему заинтересованных людей, четко понимающих свою цель, готовых ради нее пойти на любую жертву.

В январе пришла радостная весть из Киева: Центральную раду прогнали, по всей республике власть в свои руки берут Советы. Как яркие вспышки маяка, вести из Петрограда, Москвы, Харькова, Донбасса. Много врагов у Советов, но в поле зрения Ленина — вся Россия. Заключен тяжелейший, но такой необходимый молодой республике Брестский мир с Германией...

И вдруг — как снег на голову, как подлый удар из-за угла: буржуазные националисты, вступив с немцами в сго-

вор, открыли им путь на Украину. Немецкая армия, хорошо вооруженная, организованная, движется сюда, чтобы помочь предателям задушить народную власть.

Кто-то из железнодорожников принес весть: на подступах к Сновску — немецкий бронепоезд. Через несколько часов пожалуют оккупанты сюда.

Услышав эту тревожную весть, Щорс бросился к Табельчуку. Впервые увидел на его лице растерянность. Всегда такой собранный, энергичный, знающий, что делать, дядя Казимир сейчас бесцельно шагал из угла в угол. Николая будто прорвало:

— Что ты, дядя, пол меряешь? Через пару часов, если дождемся германца, двух аршин хватит!

— Сам об этом догадываюсь. Вот и думаю, что сейчас делать. А у тебя какие соображения?

— Соображение одно, — коротко ответил Щорс. — В леса уходить нужно!

Табельчук взъерошил редкие волосы, крикнул.

— Сказать легко — в леса. Гляди, какая непогода разгулялась. Выжить начало, как зимой. Да март месяц — хуже зимы. Уйдем небольшой группой — пропадем. Как противостоять германцам?

— Не дело говоришь, Казимир Михайлович, — прервал его Щорс. — Немцы ведь как идут — по железной дороге да по главным трассам. В глухие села они еще не скоро доберутся. Стало быть, нам не обязательно под соснами прятаться. А за это время силой обрастем. Можем, например, пойти в сторону Семеновки. Сам ведь рассказывал, что там партизанский отряд сильный. С ними соединимся, будем врага бить. Впервой, что ли?

Табельчук внимательно посмотрел на племянника. Разумно рассуждает, грамотно. Полесская глухомань — не самая удобная арена для регулярной армии. Растворится она здесь, затеряется. И о Семеновке верно напомнил Николай. Там с октябрьских дней 1917 года организовали партизанский отряд, да не простой, а на колесах.

Используя небольшой эшелон и систему железнодорожных веток, семеновцы причинили войскам Петлюры немало неприятностей.

Обнял Николая за плечи, улыбнулся.

— Что ж, решение твое поддерживаю. Командуй, бывший подпоручик!

Вместе обошли самых верных людей, объяснили ситуацию. Щорс напоминал: у кого есть какое оружие, вплоть до берданок, все брать с собой. Не на прогулку отправляются.

Собралось добровольцев десятка полтора. Таким составом и двинулись в сторону Семеновки.

Семеновский отряд организовали братья Лугинцы, Петр и Константин, да Казимир Квятек — революционеры, прошедшие университеты в ссылке и на каторге. Пока дрались с бандами, дело шло. Умело маневрируя на затерянных в лесах ветках, красный эшелон наносил врагу неожиданные чувствительные удары и быстро уходил. А когда в январе по просьбе Полесского комитета РСДРП(б) пришлось помочь в отражении регулярного корпуса генерала Довбор-Мусницкого, сразу сказались и низкий уровень военного руководства и слабая дисциплина семеновцев. Генерала прогнали, но ценой больших потерь.

В этот сложный момент и привел Щорс в Семеновку своих товарищей. С холода, с вьюги пошли отогреться. Табельчук с Константином Лугинцом и Квятеком за полночь засиделись у самовара. Оба — осунувшиеся, с горечью делились впечатлениями:

— Почитай, нет у нас сейчас отряда. А почему? Потому, командира над ним нет настоящего. Яшка Зубов в полководцах, представляешь? А что в нем, кроме бесшабашной лихости? Едва «направо, налево» скомандовать может. Дисциплину же революционную наладить, бой организовать — этого ему не дано.

— А вы зачем? — спросил Табельчук. — Думаю, на царских каторгах грамоты революционной поднабрались.

— Не та эта грамота,— вздохнул Квятек.— Я, тезка мой дорогой, пуле никогда не кланяюсь. И цель борьбы четко представляю. Но в военном деле — ниц, пшепрашам, не розуме...

— Дело он говорит,— поддержал товарища Лугинец.— А вашим отрядом кто командует — ты, что ли?

Табельчук ответил не сразу. Официально никто Николая командиром не избирал. Однако же он сразу сумел подчинить себе людей. Слушаются его, полагаются во всем на него. Что ж, будем считать его командиром...

— Нет, племянник мой, Коля Щорс. В недавнем подпоручик. Комиссован по болезни.

Лугинец с Квятеком переглянулись.

— Надо бы поглядеть на парня. Может, он объединенный отряд возглавит? Как-никак фронтовик. Выучка офицерская, а происхождение, поскольку он твой племянник, надо полагать, пролетарское? Такие люди нам очень нужны!

— Да он и в партии не состоит,— колебался еще Табельчук.

— Ничего. Пришли его завтра ко мне,— настоял Лугинец.— А к вечеру приходите в волисполком на собрание отряда.

На следующий день Табельчук занемог. Сказалось блуждание во вьюгу по лесам. Николай хлопотал возле него. Когда тот начинал говорить, решительно останавливал его — нельзя, опять кровь горлом пойдет.

Табельчук, однако, кое о чем его выпросил — с кем познакомился, какое впечатление о семеновцах. Щорс стал рассказывать о Константине Лугинце. Имел с ним долгий разговор. Такое впечатление, что зачем-то прощупывал его, Николая. Человек незаурядный, такого можно уважать. Но уж больно штатский. Этим, очевидно, и объясняется отсутствие порядка в отряде. Слишком уж свободно ведут себя бойцы — митингуют по каждому поводу, а то и откровенно буют.

Под темными усами Казимира Михайловича промелькнула улыбка.

— Митинг митингу рознь, Коля. Много лет народ в темноте держали. А теперь ему в считанные дни до всего дойти нужно, потому как власть он в свои руки взял и отдавать ее не собирается. Вот и спорят люди. Кстати, Лугинец тебя вечером в исполком звал? Там тоже что-то вроде митинга намечается.

— Звать-то звал. Да не люблю я, дядя, митинговать. Это дело не для военного человека.

— А ты все-таки сходи,— настоятельно сказал Табельчук.— Кто знает,— он тяжело закашлялся и едва договорил:— Может, после сегодняшнего вечера я не только дядей твоим, но и крестным называться стану...

Щорса пригласили в президиум. Он сел с краю, непривычно морщась под взглядами десятков незнакомых людей. Но постепенно чувство скованности прошло, и он стал прислушиваться к выступавшим.

Говорили долго и много. До хрипоты кричал Константин Лугинец, поднимался его старший брат Петр, перемежая речь польскими словами, выступал Квятек.

Речь шла о дальнейшей судьбе красногвардейского отряда. Порой Николаю хотелось вмешаться, крикнуть, что не разговорами нужно заниматься, а прежде всего наладить элементарную дисциплину, но он сдерживал себя.

Словно угадав ход его мыслей, снова поднялся Константин Лугинец. Махнул рукой, пытаясь усмирить окутанный табачным дымом зал.

— Однако довольно! Пошумели. А теперь слушайте меня. Все согласны, что командира нужно менять?

Зал дружно загудел.

— Так вот. Мы здесь советовались. И пришли к мнению — рекомендовать вам командира сновского отряда, Щорса. Нашей, рабочей косточки человек. Но науку военную знает, в империалистическую германца колотил и сейчас на то же настроен. Думаю, можно доверять!

Николай ожидал чего угодно, только не этого. Сам надеялся влиться к семеновцам, чему-то научиться и вдруг... Механически встал, оправил френч. Лица людей он не видел в полутьме, но по общему гулу, по отдельным замечаниям почувствовал: относятся к нему дружелюбно.

— Лугинцам доверяем! — крикнул кто-то из зала. — Давай Щорса в командиры!

Помещение волисполкома опустело. Осталась небольшая группа. Щорс переводил взгляд с одного лица на другое, еще не успев до конца осмыслить случившееся. Только и выдавил из себя:

— Н-ну, товарищи, скоропалительно вы все решаете...

— Ничего, Александрович, — похлопал его по плечу Квятек. — Человека с первого взгляда видно, да и дядя твой характеристику неплохую дал!

— Ах, вот откуда ветер дует, — покачал головой Щорс. — Что ж, могу только спасибо от души сказать за доверие. Однако... Поймите, я строевой офицер, а у вас, не в обиду будь сказано, собрание ораторов. Каждый мировые проблемы решает, но в строй стать, поди, не захочет. Понимаю, теперь действительно свобода. Одного не представляю: как подобного свободного человека послать в штыковую? Он ведь может и не захотеть!

Лугинец укоризненно посмотрел на Николая:

— Ты, командир, военную науку несколько лет постигал, много учебников, поди, осилил, а вот на таких авторов, как Маркс и Энгельс, времени не хватило.

Щорс смущенно опустил взгляд — что правда, то правда.

— Так вот послушай, как эти великие люди определяли понятие «свобода». Это, говорили они, осознанная необходимость. Сумей объяснить своим бойцам задачу, чтобы поняли они, во имя чего должны на смерть пойти, — и пойдут. На высокой сознательности должна строиться российская революционная армия. И в этом мы все тебе поможем. А вот боем управлять, учить солдата побеждать малой кровью — это ты, специалист, должен.

На следующее утро Щорс навестил Табельчука. Тому полегчало, лежал на теплой лежанке, с интересом всматриваясь в племянника.

— Ну как? Ничего не скажешь?

— Дядя,— неожиданно начал Николай,— а ты знаешь, как Маркс и Энгельс определяют понятие «свобода»?

У Казимира Михайловича лицо расплылось в улыбке.

— По-ихнему выходит, что свободный человек дисциплину еще крепче должен соблюдать, чем подневольный. Только он должен сперва осознать, что это нужно, необходимо. И ведь как же правильно это! Смотрел на матросов-анархистов, на солдат, которые каждый день избирают нового командира, и думал — если это свобода, то не будет у Советской России армии.

Казимир Михайлович понимающе закивал головой.

— Насколько я понял, получил ты, Коля, новое назначение?

— С твоей легкой руки. А теперь думаю, с чего начинать. Условились сегодня обращение к народу сочинить...

Обращение писали в том же составе — с братьями Лугинцами, Квятеком. Подолгу спорили над каждой фразой, пока окончательно не отредактировали.

ОБРАЩЕНИЕ СЕМЕНОВСКОГО
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОТРЯДА
К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ
О ПОРЯДКЕ ПРИЕМА В ОТРЯД

23 марта 1918 г.

Борьба за народную власть Советов на Украине продолжается. Всякий революционер должен взять винтовку, чтобы бороться за завоевания народа с Центральной радой, продавшей украинский народ германским империалистам.

В Семеновке формируется революционный партизанский отряд, ставящий своей целью борьбу за Советскую власть на Украине.

Сознавая, что только революционная дисциплина ведет к победе, организационная группа отряда выработала известные положения, и в отряд принимаются только лица, принявшие эти положения.

Каждый солдат отряда должен:

1. Безусловно повиноваться выборному начальнику.
2. Безропотно нести наряды и службы.
3. Не предъявлять никаких требований, потому что все, что возможно сделать, будет сделано.
4. Не употреблять спиртных напитков. За пьянство виновные исключаются из отряда с отобранием обмундирования и оружия.
5. За грабежи, мародерство и насилия — расстреляние. Материальные условия — обычные для Красной Армии. Запись проводится на ст. Семеновка.

*Организационная группа
Семеновского крестьянского
революционного партизанского отряда.*

Посланцы волисполкома отправились с текстом воззвания в близлежащие села и хутора. Появились первые добровольцы и из самой Семеновки. Началась жизнь отряда.

2

Эшелон неспеша ползет в ночную весеннюю мглу. Мерно постукивают на стыках колеса, изредка, на поворотах короткими сигналами будит тишину паровоз. Спят утомленные за день бойцы.

А к Щорсу сон не идет. Ведь надо же такое — без малого четыре года носит его война по земле, от Восточной Пруссии до Крыма, а впереди — первый самостоятельный бой. Первый бой, за исход которого полностью отвечает он, командир Семеновского красногвардейского отряда. Здесь он и генерал, и взводный. Ни за чью спину не

спрячешься. Под его началом триста бойцов, а впереди тревожная неизвестность. Где, на каком полустанке или просеке уготовлена им встреча с врагом?

Из Семеновки двинулись на Новозыбков. Щорс надеялся найти там революционные отряды, отступившие от Гомеля и Чернигова. Узнали, что где-то на гомельском направлении в эшелонах, как и они, рейдируют два небольших отряда черниговских красногвардейцев.

Но что делать дальше, не решили. Отряд невелик, огневая сила и того меньше: три пулемета да старенькая пушка.

Положение обсуждали сообща, вместе и приняли решение — снова погружаться в эшелон и двигаться на Злынку. Там оккупанты. Ударят на них внезапно — сразу проявится обстановка. Получится своеобразная разведка боем. Да и трофейное оружие, если удастся захватить, будет очень кстати. Ведь у него чуть ли не половина бойцов без винтовок.

Решение принято, а тревожная неизвестность отгоняла сон. Как это легкомысленно, непрофессионально. Разведки не высылали, данные о Злынке основаны на противоречивых показаниях...

Щорс посмотрел в окно. Небо уже серело. На востоке над кромкой леса разбегалась розовая полоса.

Он круто повернулся, растолкал паренька, сладко спавшего на лавке.

— Матвей! Матюха!

Парень сонно щурил карие глаза, потом быстро вскочил на ноги.

— Слушаю, товарищ командир!

Матвей прибил к нему в Семеновке. Пятнадцатилетний мальчишка разыскал его, стал проситься в отряд.

— А ты кто будешь? — с улыбкой спросил его Щорс.

— Матвей Ребенок!

— Да вижу, что не старик. Но доложить надо по форме: как фамилия, кто да откуда.

— А я и докладываю,— немного обиженно сказал паренек.— Ребенок. Это фамилие у меня такое. Хочу воевать против мировой буржуазии...

Щорс залился смехом.

— Ну, братец, сконфузил ты меня. Придется исправлять ошибку. Будешь моим ординарцем.

И вот уже почти неделю Матвейка при нем неотлучно, каждый приказ ловит на лету, следит, чтобы командир поел, отдохнул. И сейчас, очевидно, корит себя за то, что Николай Александрович раньше его на ногах.

— Матвей,— поглядев на часы, сказал Щорс.— Дви-гай к машинисту, скажи, пусть на ближайшем разъезде тормозит.

Ординарец, застегивая на ходу куртку, побежал по вагону. Проснулись от шума братья Лугинцы, поднялся, протирая глаза, Квятек. Недоуменно смотрели на Щорса.

— Что случилось, командир?

Щорс какое-то время молчал, а когда качнулись, залязгали буферами вагоны, сказал:

— Будем выгружаться.

— Как выгружаться? — удивился Квятек.— А удар по Злынке? Что надумал, Николай Александрович?

Щорс резко повернулся.

— Команды не обсуждают, а выполняют! — почти крикнул он.

Но, увидев сразу помрачневшие от обиды лица товарищей, добавил:

— Однако на первый раз разъясню. С германцами воевать на колесах не приходится. Сами знаете, у них бронепоезда, артиллерия, сила, одним словом. Потому принял решение: выгрузимся, займем оборону, разведаем обстановку. Удастся — заманим немцев в лес малыми группами и ударим. Отходить придется — опять же в лесу легче затеряться, чем в эшелоне. Триста штыков — это не армия. Значит, и действовать нам надлежит, как партизанам. Понятно?

Больше разъяснять каждый свой приказ не стану. Буду требовать неукоснительного выполнения!

Константин Лугинец толкнул локтем брата.

— А командир-то молодец. Времени на обкатку не оставил, сразу бьет в яблочко!

— Вы чем-то недовольны, товарищ комиссар? — спросил Щорс.

— Наоборот, действуй, командир! — ответил за брата Петр.

Через несколько минут, будоража предрассветную тишину леса, раздались команды. По деревянным сходням сводили из теплушек лошадей. Более тридцати коней удалось реквизиловать у семеновских богачей. Так у Щорса появилась конная разведка, на которую он возлагал немалые надежды.

Принятое им решение не было внезапным. В Новозыбкове, когда разрабатывали план операции, уступил товарищам — их было большинство. Но чем больше анализировал обстановку, тем более укреплялся в мысли, что затея рискованная. Нарваться на немецкий бронепоезд — значит погубить отряд. А местные крестьяне говорили, что в селах близ Злынки замечено много небольших вражеских отрядов, преимущественно обозов, прибывших взимать с населения контрибуцию. Попросту — грабить. Вот если выследить несколько таких отрядов, разгромить — тогда сразу прояснится положение. На стрельбу наверняка отзовутся черниговцы, курсирующие где-то на затерянных в лесах железнодорожных ветках. Да и немецкий бронепоезд, местонахождение которого пока неизвестно, обязательно объявится.

Щорс внимательно осмотрел местность. Для засады — неплохо. Дорогу, тянущуюся от Злынки к хутору Скачки, перерезает речка, вздувшаяся от талых снегов. Через нее — мостик. Если его как следует оседлать, можно держать крепкую оборону. А немцам один путь — на мост. Речушка хоть и неглубока, но берега топкие, да и в такую ростепель едва ли кто рискнет ее форсировать.

Организовав оборону и выкатив единственную пушку на взгорок, чтобы при необходимости по мосту можно было ударить прямой наводкой, выслал конную разведку.

К вечеру доставили «языка». Пленный оказался разговорчивым. Чувствовал себя уверенно, не выказывал страха. Рассказал, что в Гомеле сосредоточиваются германские войска. Оттуда выходят небольшие отряды, собирают по селам масло, сало, яйца. Из Гомеля скоро двинутся на Брянск, потом — на Москву.

У Щорса от возмущения перехватило дыхание.

— Слышали? — зло сказал товарищам. — Мирный договор с Россией заключен, а войска, сволочи, сосредоточивают. Вот она какова ситуация! Украину же избрали как плацдарм. Нет, терпеть такое нельзя!

План созрел молниеносно. Выслать ночью конников на Злынку. Гарнизон там, как показывает пленный, небольшой. Три десятка смелых бойцов внезапным налетом могут сделать много. А когда за ними погонятся каратели, вот тут им и устроят встречу.

Щорс так явственно все это представил, что с трудом преодолел желание самому отправиться во главе конной разведки в ночную Злынку. Трезвый рассудок взял верх. Лихачествовать ни к чему. Он командир, за всех в ответе. Как в шахматной партии, на десять ходов вперед нужно все предусмотреть. Главный ход будет не в Злынке, а здесь!

Беспокоило то, что посланные на поиски черниговцев связные не подавали никаких известий. А что, если германский бронепоезд не за Гомелем, а где-то совсем рядом? Подкатит под правый фланг, ахнет со всех стволов — останутся от отряда рожки да ножки...

Разведка прискакала на рассвете. Обошлось без потерь, шума наделали, да все же не совсем удачно. Оказывается, к ночи в Злынку подошло вражеское подкрепление. Пока громили гарнизон на одном краю местечка, отозвались немцы с другого. Они еще и спать не легли, только расквартировывались. Едва ноги унесли.

Следом за конниками появились немцы. Крытые брезентом фургоны сползали к речке. Черт их знает, что там, под брезентом?

Подбежав к пулеметчику, Щорс коротко скомандовал: — Ну-ка полосни по первому фурунгу!

Короткая очередь прорвала утреннюю тишину, отозвалась раскатистым эхом в долине реки.

Из-под брезента начали выпрыгивать солдаты, рассыпались по берегу, ползком стали приближаться к речке.

— Ага,— как бы радуясь собственной прозорливости, проговорил Щорс,— думали обмануть. Не вышло!

Но радоваться было нечему. Несколько раз поднимались немцы в атаку и хоть залегали, прижатые к земле свинцом, однако вели интенсивный ружейно-пулеметный огонь. В отряде появились первые раненые, убитые.

Уже к вечеру случилось то, чего так опасался Щорс. Прошелестев над кронами сосен, справа от моста плюхнулся первый снаряд. За ним второй, третий.

— Черниговцы отошли на Новозыбков, открыли путь. Бронепоезд бьет — голов не поднять. Но главное не в этом,— Квятек тыльной стороной ладони вытер со лба пот,— бегут наши. Понимаешь, бросают позиции и бегут...

Решение созрело молниеносно.

— Без шума, тихо и организованно снимайте людей с позиций,— приказал он командирам.— Нужно сохранить отряд, пока он не поддастся общей панике. Будем отходить на Новозыбков, оторвемся от врага, а дальше — время покажет...

Боевое охранение возглавил сам Щорс. На каждом удобном рубеже пулеметным огнем тревожили немцев, старались задержать их подольше. Пока добрались до Новозыбкова, отряд значительно поредел. Не столько от убитых, сколько из-за дезертиров. Там погрузились в эшелон.

Вместе с ними на Унечу отступали и другие красногвардейские отряды. К счастью, подошел бронепоезд из Питера. Он и прикрывал отступление.

Под Злынкой 6 апреля 1918 года приняли боевое крещение сновские и семеновские партизаны. Ими командовал Н. А. Щорс. Они более чем на сутки задержали натиск интервентов.

3

Тяжелы, невероятно трудны были условия Брестского мира, который молодая Советская республика была вынуждена заключить с Германией ради спасения завоеваний революции. Немцы захватили Прибалтику, часть Белоруссии, хозяйничали на Украине. Убедившись в несостоятельности Центральной рады, открывшей им путь на Украину, оккупанты сформировали новое марионеточное правительство под началом гетмана Скоропадского. Одно из условий Брестского мира требовало, чтобы Советская Россия разоружала все красные отряды, которые придут на ее территорию с Украины.

Придя в Унечу, Щорс подчинился приказу беспрекословно. Собственно, от всего отряда и оставалось человек сорок. Но, странное дело, ни разочарования, ни обиды не чувствовал. Непроста наука побеждать. Те, что пришли с ним, — настоящие бойцы.

Зачитал приказ о расформировании отряда, объяснил причины. Попросил каждого в отдельности зайти попрощаться. Там, в его комнате, разговоры велись совсем другие, более доверительные. Нужно, говорил товарищам, возвращаться домой, но без дела не сидеть. Пусть каждый ищет верных людей, организывает их, собирает оружие. А придет время, он о себе напомним.

— А сам-то куда, Николай Александрович? — спрашивали друзья.

— В Москву, — коротко отвечал он.

Выступая 14 мая 1918 года с докладом о внешней политике, В. И. Ленин говорил: «Мы имеем перед собой

большой опыт революции, и мы научились из этого опыта тому, что нужно вести тактику беспощадного натиска, когда объективные условия это позволяют... Но нам приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному собиранию сил, когда объективные обстоятельства не дают возможности делать призыв ко всеобщему беспощадному отпору».

К концу июня освободительную войну на Украине возглавляло около 140 партийных организаций.

В это время в Москву из разных уголков Украины съезжались самые стойкие революционеры: Андрей Бубнов, Станислав Косиор, Николай Скрыпник, Федор Сергеев (Артем), Владимир Затонский, Юрий Коцюбинский и многие другие. Они понимали, что только Советская Россия сейчас может помочь многострадальному украинскому народу в его тяжелой борьбе. Прежде всего было необходимо организационно оформить Коммунистическую партию большевиков Украины, то есть созвать съезд.

Первый съезд КП(б)У состоялся 5—12 июля 1918 года. Накануне его открытия В. И. Ленин провел совещание с группой партийных работников Украины — делегатов съезда, обсудил с ними важнейшие вопросы повестки дня съезда, заслушал проекты резолюций, дал указания по вопросам партийного руководства революционной борьбой украинского народа. На съезде было оформлено создание партии украинских коммунистов, ставшей составной частью Российской Коммунистической партии большевиков. Тщательно обсудили вопросы вооруженной борьбы с интервентами и буржуазно-националистическим правительством. Освободительной борьбой был призван руководить Центральный Всеукраинский военно-революционный комитет, который возглавил Андрей Бубнов...

...Щорс решил немного пройтись по улицам Москвы. С интересом присматривался к прохожим, читал объявления, воззвания, афиши.

Неожиданно возле здания университета лицом к лицу

столкнулся с Квятеком. Оказалось, после разоружения отряда в Унече он тоже отправился в Москву на краткосрочные курсы краскомов.

В новой гимнастерке Квятек казался помолодевшим. Обнялись, расцеловались, засыпали друг друга вопросами: что да как? Казимир, казалось, весь был начинен важными новостями. Сообщил о событиях в Тараще — там образовалась целая повстанческая армия — четыре тысячи бойцов. Основательно потрепали и оккупантов, и гайдамаков, хотя и сами понесли большие потери. Теперь Николай Крапивянский собирает силы на Черниговщине. Его отряд насчитывает уже до тысячи человек, неплохо вооружен. Одним словом, события назревают. Сам он только что закончил курсы и отправляется в Орел, в распоряжение Украинского повстанческого центра.

— Ну а ты-то как? — обратился к нему Квятек и, бросив взгляд на университетское здание, удивленно поднял брови. — Неужели на учебу решил?

Щорс улыбнулся.

— Нет, не на учебу. Думаю, скоро с тобой встретимся...

Через несколько часов поезд увозил его на юг. Там он должен был встретиться с председателем Центрального Всеукраинского военно-революционного комитета Андреем Сергеевичем Бубновым. 31 июля — 1 августа 1918 года в Курске состоялось совещание Центрального Всеукраинского ВРК. Оно поручило «Центроштабу, представителям Военно-революционного комитета и его оперативному отделу в ближайшее время выработать военно-стратегический план восстания и указать отдельным штабам и местным силам те задачи, которые они в этом плане должны осуществлять». Решено было к концу августа завершить подготовку восстания на Черниговщине.

По условиям Брестского мирного договора, между оккупированной кайзеровскими войсками Украиной и Советской Россией пролегла нейтральная полоса. Кое-где она

растянулась на полтора десятка километров, местами сужалась до двух-трех. И тогда хорошо просматривались немецкие блиндажи и проволочные заграждения. С этой стороны — советская охрана. На контрольно-пропускных пунктах, как на настоящей границе, тщательная проверка документов, внимательное просеивание кочующего народа. В основном мешочники, спекулянты, солдаты, не успевшие добраться с фронта домой. Но нередко вылавливали и бывших жандармов, офицеров, пробиравшихся в поисках новых хозяев на украинские земли.

А сама нейтральная полоса — многие сотни квадратных километров земли с селами и хуторами, лесами и реками. У населения этой полосы своеобразная жизнь. Немцам и гайдамакам путь туда закрыт, но жители ездят и туда и сюда, смотрят, сравнивают. Кто побывал на территории Советской России, рассказывает о виденном. Власть народная, землю крестьянам дали, помещиков прогнали, дети бедняков ходят в школу...

Здесь и штатных агитаторов не нужно, жизнь сама убеждает, люди начинают понимать, с кем им по пути. Но и большевики украинские не дремлют, ездят по селам, свою работу проводят. Глядишь, то здесь, то там на нейтральной полосе возникают ревкомы. А если с боями придет сюда какой-нибудь повстанческий отряд, спасаясь от кайзеровцев и гайдамаков, то без хлеба и крова не останется.

Так, сам по себе, происходил процесс большевизации нейтральной полосы. Этим обстоятельством и решил воспользоваться Андрей Сергеевич Бубнов. Вместе с несколькими соратниками прибыл в пограничные районы, ездил из уезда в уезд, тщательно изучая обстановку, знакомясь с людьми. Очень обрадовался встрече с давнишним знакомым — Виталием Примаковым, участвовавшим в штурме Зимнего. И теперь молодой красный командир прибыл с сотней хорошо обученных бойцов, которых он именовал червонными казаками, обосновался в нейтральной полосе,

стал наводить революционный порядок. Здесь познакомился с Николаем Крапивянским, в прошлом подполковником царской армии.

Бубнов решил использовать нейтральную полосу для формирования красных отрядов. Пусть партизаны, находящиеся на территории оккупированной Украины, щиплют врага, но управлять ими практически невозможно. Как устанавливать связь, организовывать снабжение, координировать их действия? Очень трудно.

Щорс разыскал Бубнова в Юриновке. Представившись, отметил, как хорошо Андрей Сергеевич улыбнулся ему.

— Наслышаны о вас, Николай Александрович,— сказал Бубнов.— Чем думаете заняться?

— Думаю, самое целесообразное — пойти через границу, начать поднимать людей. В Елинских лесах создадим базу, начнем громить немцев и гайдамаков.

Бубнов слушал внимательно. Неожиданно спросил:

— Вам сколько лет, простите?

— Двадцать три,— ответил Николай.— Но дело не в возрасте, Андрей Сергеевич. В партии большевиков я не состою. Потому, может, и не подойду вам...

Бубнов не сдержал улыбки.

— В вашем возрасте это дело поправимое. Были бы большевистские убеждения, вот что главное. А о вас неплохо говорят. Поэтому я вам доверяю и поручаю ответственное дело — заняться организацией отряда. Только на Украину уходить не следует. Все главные дела вершатся сейчас на нейтральной полосе. Отправляйтесь-ка вы на станцию Зерново. Уверен, там встретите многих друзей. Там и работайте. Только...

Бубнов еще раз внимательно посмотрел на Щорса, добавил:

— Только учтите, что положение пребывающих на нейтральной полосе создает определенные трудности. Поэтому для окружающих пусть это будет один из обычных партизанских отрядов. А фактически — подразделение с

революционной дисциплиной, с революционным порядком. Поняли?

— Так точно, понял! — отрапортовал Щорс.

В Зернове Щорса ожидали радостные встречи. Здесь уже находились и братья Лугинцы, и Квятек, и другие товарищи, с которыми он за короткую жизнь Семеновского отряда успел по-настоящему сродниться. Не хватало дяди Казимира — болезнь приковала его к постели.

Штаб расположился в загнанном в тупик железнодорожном вагоне. Разыскивая его, Щорс обратился к плотному мужику в выдавшем виды пиджаке.

— Та ось туды, напрямик йдеть, Микола Олександрович! — радушно ответил человек.

Щорс всмотрелся в незнакомца.

— Никак Никитенко! — воскликнул радостно, узнавая единственного артиллериста Семеновского отряда: — А что за маскарад такой? Неужели форму на новенькую гаубицу сменял?

— Дак конспирация ж, товарищ Щорс. Мы ж тут вроде в приймах, нерегулярные!

«Ох, эта «нерегулярность», — вздохнул Щорс, отправляясь на поиски штабного вагона. Взяться бы сразу, открыто за создание подразделения...

Однако через несколько дней от Бубнова узнал официально — поручено сформировать три красных полка. Первый ему, Щорсу, второй на основе вышедших в нейтральную полосу таращанцев — Василию Боженко, третий из новгород-северцев — Тимофею Черняку.

Успешно формировалась 1-я повстанческая дивизия. «Пополнение дивизии людьми, — отмечалось в докладной записке Оперативного отдела Наркомвоена, — происходит из местных крестьян и крестьян, перебегающих из Украины, число которых велико... Подбор людей хороший и боевой... Дисциплина образцовая. ...Все рвутся скорее освободить Украину от немцев и правительства Скоропадского.

Несколько дней прошли в поисках оружия, боеприпасов, обмундирования. Вместе с Лугинцами и Квятеком проверяли каждый эшелон — их немало скопилось на путях станции Зерново. Помогал им Никита Коцар — его Бубнов порекомендовал в штабные адъютанты.

Каждая находка радовала. Там ящики с новенькими, еще не очищенными от масла винтовками, там гранаты, патроны. Правда, туго было с обмундированием. То ли не доползли сюда нужные эшелоны, то ли расплозлось оно по рукам вездесущих мужиков. Но все же раздобыли и немного обуви, и белья, и гимнастерок. Все найденное сносили к себе, под охрану. Щорс радовался, как мальчик, — не чета Семеновскому отряду будет первый красный украинский полк!

Вечером долго сидели в вагоне, совещались. Немало дискуссий возникло по поводу того, как назвать полк.

Щорс слушал разноголосый гул, а мыслями почему-то уносился далеко, на полтора десятка лет назад, в свой родной Сновск. Был у него в детстве свой «полк». До сотни мальчишек объединил в свою армию. Какие захватывающие батальи они тогда проводили!

Николай пользовался особым доверием учительницы Анны Владимировны Горобцовой за страсть к книгам. Она позволяла ему копаться в своей библиотеке, сама рекомендовала почитать ту или иную книгу. Мальчика больше всего привлекали рассказы об известных полководцах, народных героях.

— Послушайте, товарищи, — неожиданно прервал всех Щорс. — А что, если мы свой полк назовем именем Ивана Богуна? По-моему, все в нем собралось: и любовь к своей земле, к своему народу, и храбрость, и талант полководца. Простые люди, узнав, как называется наш полк, сразу поймут, за что мы боремся.

Его единодушно поддержали. Окончательное название утвердили такое: «Украинский революционный полк имени товарища Богуна».

Местом формирования полка определили Унечу, расположенную у самой кромки нейтральной полосы. Вербовочный пункт организовали непосредственно у штабного вагона.

Добровольцы шли толпами. Кто пробирался сюда с оккупированных земель, кто с «нейтралки», много было и местных. С раннего утра Щорс усаживался за стол приемочной комиссии — в новенькой кожаной куртке — Коцар где-то расстарался, в до блеска начищенных сапогах, с неизменным маузером на боку, подтянутый, праздничный. Старался, когда позволяло время, поговорить, прощупать лично каждого новобранца...

Вот один из них у стола. Хоть одет кое-как, но чувствуется, что бывалый солдат, не новичок.

— Фамилия?

— Селезнев!

— Вижу, что служил уже. Каким оружием владеешь?

— Пулеметчик!

Щорс быстрым движением достал из-под стола «льюис».

— Ну-ка разбери! — и прикипел взглядом к своему хронометру. Новенький четко разобрал и собрал пулемет.

— Молодец, Селезнев,— удовлетворенно заметил Щорс.— А теперь скажи, знаешь ли ты, в какой полк поступаешь добровольцем?

— Само собой, в Богунский, товарищ командир!

— То-то, что в Богунский. А богунцы, запомните, товарищи,— он обращался уже ко всем присутствующим,— богунцы не отступают. Разве только на шаг-другой для разбега, чтобы крепче ударить штыком!

Случались и казусы. Однажды к столу комиссии подошел седобородый мужик. Посмотрев на юное лицо Щорса, разочарованно покачал головой.

— Не, мени не до цього, мени до батька Миколы треба.

— Так это же и есть перед тобой Николай Щорс,— объяснил Константин Лугинец.

Мужик удивленно наморщил лоб.

— Микола Щорс? Отой хлопчик?

Но, поняв, что его не разыгрывают, осекся.

— Оно, конечно. Бывают молодые, да ранние. Ежели вправду ты Щорс, то записывай меня в богунцы!

— Гляди, командир,— сказал после этого Константин Лугинец Щорсу,— слава впереди тебя летит. Добрый знак!

Щорс по-мальчишески зарделся:

— Дай срок, Костя, о нас еще песню сложат! Ах, старик, какое же это радостное чувство — командовать своим, рабоче-крестьянским войском. Думал ли я когда-нибудь, что такое выпадет на мою долю? За это — веришь — жизнь отдать не жалко!

Как-то Коцар деликатно заметил: не слишком ли много времени он уделяет вербовочной комиссии. Дескать, у комполка есть заботы и поважнее. Щорс решительно ответил:

— Мне, Никита, этих людей в бой вести, за освобождение Украины. Я должен лично каждого узнать. Был уже, понимаешь, печальный опыт, когда создали отряд, а он по кустам разбежался...

Старался во все вникнуть, все проверить, а когда возможно, то все сделать сам. Нет, не потому, что не доверял товарищам. Люди его окружали надежные. Политической работой ведал Константин Лугинец, его брат Петр — председатель революционного трибунала, Квятек — командир роты. Друга нашел в лице рассудительного Коцара...

Сбывалась его давнишняя мечта — формировался регулярный красный полк. Мог ли он на кого-то переложить эти радостные заботы?

Порой сам удивлялся, откуда берутся у него силы. Иногда донимал кашель, но болезнь, казалось, отступила, спряталась. Знать бы, надолго?

Для штаба Унечский райком выделил приличное здание, принадлежавшее когда-то сбежавшему купцу. С трудом подыскал дом под казарму. Но уже через несколько дней, когда людей значительно прибавилось, пришлось переходить в деревянные бараки. Чтобы для всех равные условия.

Но главное, конечно, учеба. Строевые, тактические занятия. Подъем в шесть утра, а уже через полчаса — бойцы за станцией, в поле. Когда-то сам презрительно отзывался о шагистике, но сейчас понимал: только строй собьет эту разношерстную массу в боевую единицу, заставит почувствовать плечо товарища, выработает подчинение военной дисциплине.

Осень все решительнее вступала в свои права. В поле выходили по предрассветной мгле. Все чаще и чаще с ночи затягивали обложные дожди. Понимал — по такой погоде без особой радости поползет солдат по-пластунски, но выхода нет, учить людей нужно. Первым падал на мокрую землю, энергичными рывками перебрасывал свое тело до ближайшего окопа: личный пример — наиболее убедительный!

А в строю ходили только с песней. Затянет запевала «Вихри враждебные...» — сразу подтягиваются люди, шагают веселее.

Каждую свободную минуту Щорс проводил на занятиях, сам руководил ими. Чаше, чем в другие, заглядывал в роту Зубова, прежнего начальника Семеновского отряда. Последнее время стал замечать — редуют взводы, как после сражения.

— Понимаешь, Николай Александрович,— стал объяснять Зубов,— болеют люди. Погода, сам видишь, какая, а обмундированы они слабовато.

— Болеют,— словно осмысливая что-то, протянул Щорс.— А давай-ка, комроты, сходим в лазарет!

Там было шумно. Кто в халатах, кто прямо в исподнем — курили в коридорах, разговаривали, спорили. Увидав начальство, разбежались по койкам, стали заворачиваться в одеяла.

Щорс решительно подошел к первому нырнувшему под одеяло бойцу, жестко спросил:

— На что жалуетесь?

— Та щось у середины болить...

Щорс быстро приподнял ему рубаху, приложился ухом к груди, постучал пальцами.

— Болит, говорите? Три наряда вне очереди! Следующий!

Третьего симулянта осматривать уже не пришлось. На ходу затягивая пояса, люди оставляли лазарет.

Зубов сокрушенно качал головой.

— Хорошо тебе, Николай Александрович, что ты сам медик, симулянтов в миг узнаешь.

— Да уж хорошо,— протянул в ответ Щорс.— Как фельдшер, узнаю симулянтов, как подпоручик в недавнем, руковожу отрядом. А еще работаю интендантом, политическим руководителем, преподавателем тактики. Стыдно мне за тебя, Яков. Сформировали мы красный отряд, а ты на поводу у симулянтов пошел...

Но не только с Зубовым были хлопоты. Как-то затеял разговор Квятек. Дескать, много нагрузки даем бойцам. А ведь среди них и полураздетые есть, и обувь не совсем соответствует стандарту. Побережь бы силы, а то бузить начинают люди.

Щорс неожиданно взорвался:

— Значит, погода тебе не подходит? Так, между прочим, и революцию не в майские дни совершали! А вот кто бузу поднимает, этих нужно выводить на чистую воду. Такие в свое время в Семеновском отряде поработали. Уверен, что и здесь гайдамацкая сволочь сумела кое-где втереться.

Потом, уже успокоившись, продолжал:

— Учить, Казимир, нужно людей. Иначе мы своей революционной армии не создадим, так и останемся партизанами. Ты же знаешь мое правило: учись везде, где ходишь. Я его бойцам повторять не устаю и сам им всю жизнь руководствуюсь. Тебе ли разъяснять!

Опасения Квятека подтвердил Константин Лугинец. Ему, как политическому агитатору полка, приходилось почти каждый день бывать в ротах, взводах, беседовать с бойцами на различные темы. Говорил он не всегда склад-

но, но убежденно, умел доказать людям свою правоту. — А здесь, понимаешь, что-то необъяснимое получается. Кажется, в самую душу людям залез, все главное им втолковал, и вдруг какой-нибудь юнец зеленый начинает бузить: дескать, махорки три дня не давали, паек скудноватый, в армии так не положено. «А что ты знаешь об армии? — спрашиваю. — В войну, небось, за мамкин подол держался. Кто же тебя, несмышлениша, так просветил?» Молчит, каналья, хотя и видно, что с чужого голоса поет...

Щорс мучительно пытался разобраться в ситуации. Поделился мыслями с Коцаром — к его мнению он прислушивался все с большим и большим вниманием. Тот слушал внимательно, потом решительно встал.

— Николай Александрович, сколько по разработанной вами программе занятий отведено на политучебу?

Щорс отвел взгляд в сторону.

— То-то. Армия у нас новая, и учить ее надо по-новому. Далее: партийная прослойка в подразделениях явно маловата. Кстати, и беспартийный комполка выглядит как-то странновато. До сих пор не решились?

— Решился,— твердо ответил Щорс.— Если окажут товарищи доверие...

— Ну с этого и начнем. И думаю я, товарищ командир, что нам свою партийную ячейку нужно вливать в унечскую организацию. Вместе мы будем силой, там большевики опытные, помогут нам.

— Согласен, пошли хоть сегодня к Иванову.

Условились зайти к председателю Унечской организации РКП(б) Иванову нынче же вечером. Прежде чем встретиться с Коцаром, Щорс закрылся в комнате. Нашел лист бумаги, присел у стола и начал аккуратно писать заявление: «Прошу принять меня членом Российской Коммунистической партии (большевиков)»...

С этого и начали разговор у Иванова. Тот принял от Щорса заявление, одобрительно кивнул головой.

— Думаю, в отношении командира Богунского полка ни у кого возражений не будет.

Рассказ о подозрительном поведении некоторых бойцов живо заинтересовал его.

— Гайдамацкие лазутчики работают, не иначе.

— Да уж сомнения нет,— подтвердил Щорс.— Я вот, товарищ председатель, товарищам не хотел рассказывать, но, поскольку у нас сейчас разговор партийный, откровенный, вот что сообщу. Недавно ко мне вечером несколько таких «гусей» пожаловали. Не знаю, чего хотели — запугать или на свою сторону склонить. Только я...

Глаза у него озорно блеснули.

— Только я, товарищ председатель, сам на них страху нагнал. Сделал вид, что испугался их, а сам два шага назад — в спальню. Там у меня граната на подоконнике лежала. Схватил ее, поднял над головой да как гаркну: «Что, господа синежупанные, вместе в пекло пойдем или раздельно?» Их словно грязной метлой вымело!

Иванов юмора ситуации не оценил. Обратился к Коцару:

— Слыхали? Что отсюда следует: охрану комполка организовать лучше. А в помощь вам я пришлю чекистов. Они разберутся, кто там на бузу бойцов настраивает.

...Щорс давно вынашивал мысль испытать своих бойцов в деле. Люди ведь дерутся там, за нейтральной полосой, а они только ходят в воображаемые атаки да маршируют улицами Унечи, распевая песни.

Кроме того, понимал, что в боевых операциях люди сплотятся, осознают по-настоящему ту великую цель, ради которой собрались под знаменем Богунского полка.

По этому поводу они горячо дискутировали вечерами с Лугинцами, Квятеком, Коцаром.

— Правильно говоришь, товарищ командир,— соглашались товарищи.— Но сам знаешь, какое у нас щекотливое положение. Мы — на нейтральной полосе. Высыпем хорошо раз-другой немцам, а они провокацию могут затеять, мирный договор сорвут. Кто это простит?

— Но с гайдамаками мы мирного договора не заключали! — горячился Щорс. — Вон Виталий Примаков ходит в смелые рейды. Почему бы нам не попробовать?

— Посоветуйся с начдивом, — предложил Коцар. — Завтра Крапивянский приезжает инспектировать полк.

Щорс нахмурился.

— Но он подполковником в царской армии был, не так ли? Наверняка из бывших.

Коцар не сдержался, зашелся громким смехом.

— Вы что, ничего о нем не знаете?

— Знаю, — недовольно отозвался Щорс. — Дрался с германцами на оккупированной территории. Но и Ренненкампф дрался с ними на фронте. Так и его красным генералом назначать?

Коцар посерьезнел. Выдержал тяжелый взгляд помутневших, ставших вдруг свинцовыми глаз Щорса.

— Теперь послушайте меня, товарищ командир. Николай Григорьевич Крапивянский, кстати, он не намного старше вас — выходец из бедной крестьянской семьи. Это о чем-то говорит? А если в двадцать пять получил звание подполковника — то это за ум, храбрость, мужество. В феврале — слышите — в феврале 1917-го стал большевиком. Был председателем полкового комитета, возглавлял большевистскую фракцию 19-й дивизии в Екатеринославе, с марта 1918-го — начальник штаба 2-й армии. В мае направлен на оккупированную часть территории Украины для руководства партизанским движением. А вы говорите — «бывший»!

Щорс слушал, нервно хрустя пальцами.

— Ну спасибо, рад, что это так.

Крапивянский побывал на занятиях, познакомился с командирами и политотдельцами. В целом остался доволен.

Провожая начдива к поезду, Щорс осторожно, окольными путями задел наболевший вопрос.

— Говорят, товарищ начдив, Примаков своих червонных казаков успешно в деле испытывает?

— Что имеете в виду? — сухо бросил Крапивянский.

— Ходят слухи, рейды совершают на оккупированную Украину, гайдамаков бьют, а если в темноте форму перепутают, то и немцев чистят...

— А, вы об этом? Так кто же вам мешает? — с затаившейся в глазах улыбкой он повернулся к Щорсу. — Насколько мне известно, вас товарищ Бубнов инструктировал? К этому добавить ничего не могу. Нейтралитет с Германией Советская Россия должна соблюдать. Но здесь — нейтральная полоса. Если по собственной инициативе да разумно, с головой. Привлекать к ответственности за это не стану...

В штаб Щорс вернулся окрыленный. Так и подмывало рассказать товарищам о том, что получил неофициальное «добро» от начдива на боевые действия, но вовремя сдержался. Не зря сказал Крапивянский, что делать это нужно разумно, с головой. Чем меньше людей будет знать о предстоящем бое, тем больше шансов на успех. Только Коцару сказал:

— Прав был. Толковый мужик, наш начдив!

Командиром решил назначить Зубова. Была у него какая-то лихость, импониравшая Щорсу. В таком деле одной рассудочностью и осторожностью не обойтись, нужен человек рискованный и до некоторой степени «везучий».

Вместе подбирали группу для первой вылазки — умелых, крепких и дисциплинированных бойцов. Щорс лично руководил их подготовкой: учил, как преодолевать проволочные заграждения, бесшумно снимать часовых, вести разведку наблюдением и боем.

Несколько раз ходила группа за кордон, принесла интересные сведения. Потом при помощи штабистов разработали план операции, в которой участвовало несколько рот.

Объектом налета избрали станцию Робчик. Щорс ставил задачу: потрепать гайдамаков (а если ночью не разберутся в цвете шинелей, то можно и немцев), посеять

панику, а удастся, то и отбить награбленное добро, которое кайзеровские вояки приготовили для отправки в Германию.

Первая операция прошла успешно. Возвратились почти без потерь, пригнали немалый обоз с продовольствием, трофейным оружием. Конечно, утаить ее результаты от остальных бойцов было невозможно. Победителей поздравляли, им откровенно завидовали.

С каждым днем увеличивалось количество желавших пойти на дело. Щорс решил использовать эту активность: объявил, что в операции будет посылать только наиболее подготовленных бойцов, дисциплинированных, добившихся лучших показателей в боевой и политической подготовке. И это сыграло свою роль. Между подразделениями развернулось здоровое соревнование за право пойти на вылазку. Заметно возрос интерес к учебе.

Следом за Робчиком совершили налеты на Лычищи, Стародуб, другие населенные пункты. Однажды даже пригнали с собой небольшое стадо скота, которое оккупанты приготовили для отправки в Германию.

В боевых вылазках крепили роты и батальоны. Действовать приходилось в основном ночью, когда особенно важно умение ориентироваться по карте и компасу, сделать расчет времени, двигаться стремительно и бесшумно. И это умение нужно было день ото дня оттачивать, так как фактор неожиданности отпал, противник ждал и тщательно готовился к отражению налетов.

Приходилось менять тактику, отслеживать отдельные обозы, а иногда и эшелоны.

Несколько раз Щорс сам руководил боевыми вылазками. Однажды разведчики доложили, что по железнодорожной ветке в их направлении следует паровоз с двумя вагонами. Щорс осмотрел небольшой, около полутора десятка бойцов отряд, вздохнул:

— Сил маловато. Но и упускать такой случай жаль. Все-таки, у нас три пулемета. Попробуем!

Быстро завалили бревнами ветку, залегли. Как только паровоз, тяжело фыркая, остановился, дружно ударили по вагонам. Опешившие сперва немцы, увидев малочисленный отряд, рассыпались вдоль полотна и открыли ответный огонь, а потом сами поднялись в атаку.

Боеприпасы кончались. Щорс дал приказ отходить. Собрались все на окраине леса. Николай Александрович окинул взглядом группу — к счастью, все здесь, хотя много раненых. И вдруг его лицо посерело.

— Где еще один пулемет?

Одного из «максимов» не хватало.

— Видать, когда Андрею ногу прошило, я его на плечи ввалил, а о станкаче не распорядился... — отозвался кто-то.

— А, черт... — ругнулся Щорс и вдруг рывком преодолел несколько метров, упал у кочки, решительно пополз вперед.

Где ползком, где перебежками, Щорс добрался до занимаемого раньше рубежа, выволок пулемет и, прикрываясь его щитом, пополз обратно. Вернувшись, потребовал для виновного сурового наказания, но товарищи не подержали.

— Тогда, Николай Александрович, — твердо сказал Константин Лугинец, — и с тебя спросить придется. Как это ты, командир полка, голову свою под пули понес!

Щорс и сам понимал, что в этом случае вина не только молодых, необстрелянных красноармейцев. Значит, в чем-то серьезном недоработало и командование. Не сумели довести до сознания людей, что оружие им вручила революция и бросать его — равноценно дезертирству. Вылазки на оккупированную территорию Щорс решил использовать еще с одной целью. Немецкая армия разлагалась. Война вызывала у многих германских солдат озлобление. Среди них нарастало революционное брожение. Вот и нужно использовать вылазки для пропагандистской работы среди вражеских солдат: разбрасывать листовки, агитировать пленных.

Лугинцу эта идея понравилась. Собрав работников политотдела, он целый день сочинял воззвание. Получилось оно не очень складное, но убедительное.

Щорс тихо посмеивался в усы, когда Константин с пафосом зачитывал коллективное произведение политотдельцев. Заметив улыбку на лице командира, Лугинец немного обиженно спросил:

— Не нравится, что ли?

— С политической точки зрения все на своих местах, Константин. Со стилем, правда, хуже, чем у Толстого. Но ты не расстраивайся, при переводе на немецкий язык все погрешности исчезнут...

Весть о том, что 9 ноября в Германии началась революция, дошла и до Унечи. Лугинец, бывший в это время на телеграфе, разыскал Щорса:

— А что, Александрыч, мы не зря поработали! Проснулась у немцев пролетарская совесть!

— Да уж, мы пахали! — ответил Щорс, но важность услышанного потрясла его. Если германская армия уйдет сейчас с Украины, насколько облегчится борьба за освобождение родной земли!

Собрались у председателя Унечской партийной организации Иванова. Радость переполняла всех. Решение приняли единогласно: организовать агитпоезд и отправиться за демаркационную линию, приветствовать немецких солдат, собственными глазами посмотреть, какое у них настроение, готовятся ли к отводу войск.

Паровоз и вагоны украсили лозунгами, красными знаменами. На станцию Робчик отправились представители партийной организации, ревкома, Богунского полка.

Щорс понимал, что возможны неожиданности, осложнения. Поэтому у него не вызвал удивления холодный прием эшелона гарнизоном станции. Офицер заявил, что ему ничего не известно о революции. Никаких распоряжений об отводе войск не получал. Но солдаты, невзирая на запрет, тянулись к гостям, собирались группами. Вскоре

подошли представители гарнизона, расположенного в Лычищах. Немецкие солдаты несли красное знамя...

До позднего вечера на вокзале шумела пестрая толпа, звучали страстные речи. Немецкие коммунисты заявляли, что сделают все для быстрого вывода войск с Украины, что у них сейчас большие и важные дела дома — довести до победного конца революцию.

В Унечу возвратились глубокой ночью. Со станции все пошли к Иванову. Спать не хотелось.

Константин Лугинец, поправляя на куртке красный бант, задумчиво сказал:

— Вот ведь как бывает. Вчера друг на друга через прорезь карабина смотрели, а сегодня — товарищи.

— Событие важное, спору нет,— поддержал его Иванов.— И думаю я, что мы должны сообщить об этом Владимиру Ильичу. Его такая весть порадует!

Это предложение приняли единодушно. И вот уже телеграф отстукивает волнующие строки:

12 ноября 1918 г.

Представители революционных солдат Германии, делегаты Лычишинского Совета солдатских депутатов, совместно с Унечской организацией РКП (б), приветствуют в Вашем лице мировую революцию.

*Представители революционных немецких войск села
Лычищи*

*Председатель Унечской организации РКП(б) ИВАНОВ
Ревком ЛИНД
Командир Богунского полка ЩОРС*

На следующий день нарочный разыскал Щорса на занятиях. Передал просьбу Иванова срочно прибыть к нему.

Его кабинет уже был полон людьми.

— Пришел ответ от товарища Ленина! — возбужденно говорил Иванов.

Хриплым от волнения голосом он начал читать:

13. XI. 1918 г.

Унеча.

Председателю Унечской РКП Иванову.

Благодарю за приветствие всех. Особенно тронут приветствием революционных солдат Германии. Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленно действенное участие в освобождении Украины. Для этого необходимо, во-первых, арестовывать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, послать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа. Телеграфируйте тотчас, принимают ли это предложение революционные солдаты Германии.

Предсовнаркома *ЛЕНИН*

NB || Срочно
|| Вне всякой очереди.
|| Доставить мне сведения, во сколько часов принято
|| Унечей.

Последние слова утонули в аплодисментах.

А бурные волнующие события только начинались. Со станции сообщили: прибыла группа немецких делегатов, с красным знаменем, ищут командира Богунского полка. Щорс, на ходу надевая полевую сумку, бросил Иванову:

— Все! Поднимаю полк, иду в Лычищи. События торопят!

— Погоди,— остановил его Иванов.— Приказа-то нет? Как же ты — самовольно?

— Приказ — вон он! — Щорс решительно указал на телеграмму.— Сам товарищ Ленин ставит перед нами за-

дачу. Причем подчеркивает: «Время не терпит. Нельзя терять ни часа!» От кого же мне ждать распоряжений? Командование далеко, а приказ товарища Ленина — на руках!

Минуту поразмыслив, добавил:

— Вот только телеграмму Ильичу отправлю.

— Горяч! — покачал головой Иванов.

Лугинец возразил:

— При важных решениях он в любой обстановке холодную голову сохраняет. В мелочах же, верно, бывает, взрывается, как порох. Но сейчас он, пожалуй, правильно рассудил. Крапивянского перевели на новую должность, замены еще нет. А до командования будет три дня добираться...

Полк спешным порядком строился на площади. Во главе, блестя медью труб, стоял оркестр. Щорс несколько раз прошелся перед строем, остановился.

— Товарищи! Как вам известно, в Германии произошла революция. Немецкие солдаты отказываются вести захватническую грабительскую войну, они торопятся к себе домой, чтобы завершить дело, начатое их товарищами. Об этом сказали нам делегаты 106-го и 19-го германских полков, которые пришли к нам с красным знаменем и передали его в дар Богунскому полку. Товарищ Ленин поставил перед нами задачу сделать все, чтобы ускорить вывод немецких войск с Украины. Вот почему мы сейчас отправляемся за демаркационную линию, отправляемся, чтобы выполнить указание товарища Ленина. Близок час освобождения родной Украины!

Грянул оркестр. С развернутым знаменем Богунский полк направился в Лычищи. Митинги и братания продолжались до самой ночи. Разместив штаб и политотдел в селе Найтовичи, Щорс стал настаивать на немедленном начале деловых переговоров.

14 ноября 1918 года Щорс из Унечи сообщил в штаб дивизии, находившийся в Орле: «С немцами все улажено. Образован Совет, налажена связь. Между ними ведется

обширная агитация с музыкой и знаменами, производятся митинги между нашими и немецкими солдатами. В Лычищах был церемониал. Немецкие солдаты проходили церемониальным маршем перед нашими солдатами. Над немецкой казармой красный флаг... Делегации прибывают ежедневно. Полк перешел демаркационную линию, находится на украинской территории...»

И вот настал долгожданный час, о котором все они, от начдива до рядового бойца, так долго мечтали. Советская Россия аннулировала тяжелейший Брестский мирный договор. Был издан приказ о подготовке войск молодой Советской республики к наступлению и изгнанию оккупантов с территории Украины, Белоруссии и Прибалтики.

Первые дни новой работы были исполнены лихорадочного возбуждения. Казалось, события развиваются легко и стремительно. Когда в Найтовичи прибыл начальник штаба дивизии Петренко, Щорс взволнованно докладывал ему:

— 106-й ландверский полк провел заседание Совета не-

В. А. Антонов — Овсеенко.

мецких солдат, в котором приняли участие представители командования Богунского полка и делегация украинских повстанцев. Настроение у членов Совета самое боевое. Принята резолюция о передаче всей власти Советам, чтобы всячески содействовать трудящимся первой социалистической республики в борьбе с мировой буржуазией. Немецкие товарищи надеются в кратчайшие сроки — за какую-нибудь неделю — провести выборы Советов во всех частях и созвать в Киеве армейский съезд. Так что задание, поставленное товарищем Лениным...

Петренко поднял руку.

— Погодите. Ваше счастье, что события развиваются именно так. Отнесем ваш самовольный вывод полка в счет

А. С. Бубнов

вовремя проявленной инициативы. А то ведь можно было бы рассматривать и как самоуправство!

Однако время шло, а существенных сдвигов не замечалось. Некоторые близлежащие гарнизоны колебались, в Совете немецких солдат все чаще стали поговаривать не о сотрудничестве, а о нейтралитете. Железнодорожные станции и крупные населенные пункты были по-прежнему заботы вражескими бронепоездами, техникой.

Такой поворот событий волновал Щорса. Связи с Таращанским полком никакой, в Унечу только верховые отвозят донесения, да и штаб дивизии, расположенный в Орле, молчит. А немцы явно тянут время, чего-то выжидают. Поэтому вынужден бездействовать и он.

Новый политкомиссар Барабаш, присланный из дивизии, успокаивал. Разве этот вопрос решается только в Лычищах, Робчике, Найтовичах? В Советах немецких солдат засели те, кто навязывает тактику выжидания, проволочек.

— Так, может, подтолкнуть их немного? — Щорс сделал недвусмысленное движение сапогом.

— Погодите, нужно терпение и выдержка. Время работает на нас, ждать осталось немного!

Созданный 17 ноября 1918 года Реввоенсовет Группы войск Курского направления (командующий В. А. Антонов-Овсеенко) незамедлительно направил директиву революционным организациям Украины о мобилизации сил для борьбы за освобождение родной земли.

Во второй половине ноября вместо Центрального Всеукраинского военно-революционного комитета был создан Реввоенсовет Украинского фронта¹ во главе с Антоновым-Овсеенко. Он принял командование 1-й и 2-й Украинскими повстанческими дивизиями, а также войсками, выделенными в помощь Украине Реввоенсоветом Республики.

¹ Украинский фронт располагал значительными силами. В его состав вошли 1-я и 2-я Украинские повстанческие дивизии, Московская рабочая дивизия, 9-я дивизия, 2-я Орловская бригада, два бронепоезда.

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ

*Мы все
на земле
солдаты одной,
жизнь созидающей рати.*

В. МАЯКОВСКИЙ

1

Дрогнула под влиянием революционных настроений немецкая армия, начала откатываться на запад. Без поддержки кайзеровских штыков рухнуло марионеточное правительство Скоропадского. Но не зря говорят: свято место пусто не бывает. Те же махровые националисты Винниченко и Петлюра, подвизавшиеся в Центральной раде, создали новую марионетку — Директорию. Курс у Директории неприкрытый — с любым союзником: Англией или Францией, Америкой или белогвардейцами — готова воевать против Советской России.

На последнюю битву поднимался трудовой народ Украины. От города к городу, от села к селу летела весть о том, что Временное украинское рабоче-крестьянское правительство именем революции низложило гетманскую власть, что на помощь идут красные полки.

Узнав, что наступление советских войск на Украину началось, Щорс почувствовал лихорадочное возбуждение. Последним приказом штадива он произведен в комбриги, формально ему подчинен и Таращанский полк. Правда,

пока только формально. Василий Назарович Боженко где-то бьет петлюровцев. Но тем не менее, это — две трети 1-й Украинской дивизии! Сила большая, и задачи придется решать сложные.

Беспокоило поведение немцев. Во время переговоров они согласно кивали головами, слушая условия богунцев: не взрывать мостов и коммуникаций, не грабить ценности, народное добро, не разрушать зданий. А на деле выходит иначе. Отступая на участке Робчик — Лычищи, они подняли в воздух мост. Оставляя под натиском славных тарашанцев Стародуб, вывезли золото из банка, очистили продовольственные склады. А гарнизоны Робчика и Лычищ, откатившись к Клинкам, соединились с гайдамаками и образовали там мощный кулак. Надолго ли остановились — неизвестно.

Щорс принял решение наступать на Клинцы. Товарищи подзадоривали: давно пора заставить германца уважать Красную Армию. Он и сам не прочь был «отвести душу», однако трезвая оценка обстановки сдерживала. Драться с немцами даже теперь — дело не простое, особенно если учесть, что между Клинками и Новозыбковым стоят под парами несколько бронепоездов. Потому, отдавая приказ по полку, особо подчеркнул: «Гайдамаков бить беспощадно, а с немцами брататься».

Он еще не потерял надежды столкнуться с Советом немецких солдат. Ведь сколько было теплых встреч, казалось, понимали друг друга во всем.

И вот еще одна, в посаде Ардон, что под Клинками. Представителям Совета Щорс заявил, что с немцами он не воюет, бьет только гайдамаков и просит соблюдать нейтралитет. Уполномоченные соглашались.

Когда он увидел, как тяжелый бронепоезд покидает железнодорожную станцию, не смог сдержать радостного возгласа. Наконец-то! Теперь можно и на Клинцы!

Тяжело ступая по мокрому снегу, первый и третий батальоны во главе с Щорсом направились к станции, а вто-

рой батальон под командованием Кошеева должен был с фланга ворваться в Клинцы. Кошеев вышел с отрядом из оккупированной зоны и сразу понравился Щорсу своей решительностью, смелостью — он поставил его во главе батальона.

Станцию миновали беспрепятственно, но, как только углубились в лес, с тыла ударили из многих стволов.

— Бронепоезд вернулся! — крикнул Зубов.

Щорс уже и сам понял: предали немцы, заманили в ловушку. Коротко бросил:

— Без паники, Яков, вперед!

Клинцы захватили дружным ударом, но закрепиться не удалось — гайдамаки шли в штыковую, а сзади вели интенсивный огонь немцы. Пришлось отдавать распоряжение возвращаться на исходные позиции.

Всю ночь не ложился спать. Перед глазами стояло заснеженное поле, испещренное темными бугорками. Всего нескольких погибших удалось вынести, остальные так и остались лежать под Клинцами. Десятки боевых товарищей.

Злым взглядом мерял развернутую карту. Что ж, придется с оккупантами разговаривать иначе. В Стародубе стоит сейчас Таращанский полк. Если его быстро выдвинуть вперед и захватить разъезд Святец, железнодорожная ветка Клинцы — Новозыбков окажется перерезанной. Можно для верности и рельсы к чертям взорвать. А Новозыбков — единственный путь для отступления немцам с их эшелонами и бронепоездами. Вот тогда увидим, что они запоют! Радуются, поди, сейчас, что устроили богунцам ловушку. А вскоре сами попадут в западню.

Приняв решение, Щорс устало потянулся, несколько раз прошелся по комнате, словно взвешивая все еще раз, и тут же написал приказ Боженко.

Вызвал вестового:

— Срочно! Аллюр три креста!

Когда от Василия Назаровича пришло донесение, что таращанцы заняли несколько посадов и сел и вышли на

разъезд Святец, Щорс велел позвать пленного, захваченного во время последнего боя. Превозмогая гнев, решил сделать последнюю попытку договориться с солдатским Советом. Как ни хотелось отомстить оккупантам за предательство, вспоминал погибших товарищей и остыл. Дело не в мести. Воевать нужно умно, используя малейшую возможность для того, чтобы было меньше жертв.

Через переводчика объяснил пленному ситуацию и отправил его в Клинцы. Ответ пришел незамедлительно. Почувствовав серьезность положения, незванные гости тотчас прислали парламентаров. Если комбриг Щорс согласен беспрепятственно пропустить их эшелоны, они уйдут без единого выстрела, так как намерены до рассвета начать эвакуацию войск с Украины.

В декабре Богунский полк с развернутым знаменем вступил в Клинцы. Невзирая на жестокий мороз, бойцы, многие в ветхих шинелях и разбитых сапогах, бодро отбивали шаг. Над улицами взметнулась звонкая песня.

На площади колонну поджидала толпа. Седобородый старик в сопровождении нескольких женщин вышел вперед с караваем хлеба и щепоткой соли. Щорс спрыгнул с коня, поцеловал хлеб. Его большие серые глаза увлажнились. Срывающимся от волнения голосом поблагодарил за торжественную встречу. Вот она, плата за горечь поражений, за кровь товарищей, за многие тяготы и лишения, которые им приходится переносить. Народ встречает их как своих освободителей! Может ли быть большее счастье для воина, командира, чем ощутить себя в такой роли?

Местные жители приглашали бойцов домой, здесь и там звучали гармошки, скрипел снег — истосковавшиеся по веселью парни кружили в танце клинцовских девушек.

Вспомнилось недавнее совещание у нового начальника дивизии Ивана Семеновича Локатоша. Начдив начал не с боевой задачи. Сообщил, что поступили жалобы на нескольких таращанцев, грубо требовавших у мужиков продукты.

— Подобные факты,— сказал жестко,— буду расценивать как мародерство, за которое — расстрел на месте!

Вот почему еще до вступления в город они с комиссаром Барабашем строго инструктировали весь командный состав — как богунцы должны вести себя в освобожденных населенных пунктах.

— Умри с голоду,— почти крикнул Щорс,— но не унизь себя даже просьбой о куске хлеба!

А вот такие встречи, как сегодня, подумалось, значат больше, чем инструкция и приказ. Бойцы воочию убедились, как встречает их народ, как верит им, освободителям родной земли.

...Тогда же, на совещании, Локатош сообщил, что Богунскому и Таращанскому полкам доверена высокая честь — быть передовым отрядом Красной Армии в наступлении на Киев. Окрыленный Щорс торопился. В Клинцах не задерживались. На следующий же день, пополнившись добровольцами, полк двинулся на Новозыбков.

И опять конфликты с немцами. Не спешат они отводить войска, всячески тянут время, нарушают установленные сроки. А гайдамаки пользуются этим, словно щитом, прикрываются германскими бронепоездами.

Посланная во выюгу разведка вернулась из Новозыбкова с радостной вестью. Удалось отбить у отступающих петлюровцев бронепоезд. Захватили также немало оружия, провианта, лошадей. Бронепоезд решили отправить в Гомель, в дар местному партизанскому отряду. Богунцам он уже не нужен, оперативная обстановка требовала оторваться от железной дороги.

Часть захваченного провианта Щорс приказал отправить населению освобожденных сел. Пусть видит народ, что богунцы делятся последним.

Штаб дивизии торопил скорее овладеть Черниговом, а там — прямой путь на Киев. Это и потребовало оторваться от железной дороги, взять курс на Городню. К этому местечку спешил с таращанцами и Василий Боженко.

Данные разведки показали, что в Городне сосредоточены большие силы гайдамаков, в том числе офицерский отряд. Щорс разработал план действий. Но его опередил Боженко — тарашанцы первыми ворвались в местечко, завязали бой. Когда в первый день нового, 1919 года богунцы подошли к Городне, сопротивление врага уже было сломлено. Синежупанники сдавались в плен, клялись, что не хотят больше служить проклятому Петлюре.

Разгоряченный боем, Боженко разыскал Щорса. Лихо доложил о победе, но натолкнулся на холодный стальной взгляд.

— Партизанишь, Василий Назарович,— сухо проговорил Щорс.— А, между прочим, бригадой, в которую входит твой полк, команду я!

Но радость выигранного сражения смягчила чувство обиды, и Боженко, широко улыбаясь, ответил:

— Не суди, товарищ комбриг. Не было времени для подробного согласования действий. Но ведь главную задачу выполнили: город освободили, потери незначительные, а трофеев сколько!

Захваченные в Городне трофеи были, действительно, крупные. Очень кстати пришлись лошади, санные обозы. Зима стояла лютая, снежная, пешим строем двигаться трудно. Щорс усилил конные подразделения, почти весь полк разместил на санях.

Путь на Чернигов лежал через Седнев — последний опорный пункт гайдамаков перед старинным украинским городом. Вполне оправданно было ожидать здесь серьезного сопротивления. Боженко рвался вперед, но Щорс охладил его пыл. Без тщательной разведки наступать не решил.

Допросили нескольких местных жителей, одного за другим послали переодетых крестьянами бойцов. Так, по крохам, собирали информацию. А она оказалась неожиданной: гарнизон в Седневе незначительный, главные силы стянуты к Чернигову.

— Такое впечатление, что они не собираются держать здесь оборону,— заключил Боженко.

Щорс промолчал.

— Как думаешь, Николай Александрович? — не отставал командир таращанцев.

Щорс все еще молчал, сопоставляя в уме различные факты последних дней, данные разведки, личные наблюдения. Становится очевидным — в лагере противника сейчас изрядная сумятица и неразбериха. Хоть суть недавно лопнувшего правительства Скоропадского и недавно же созданной Директории, где войсками командует Петлюра, почти одна и та же, военные силы у них разные, единства у них нет. Складывается благоприятная ситуация для решительного наступления.

Как бы подытоживая свои размышления, Щорс сказал: — Вот сегодня Седнев и возьмем!

Они двигались со штабом и конной разведкой за санным обозом, растянувшимся чуть ли не на полверсты. Щорс подозревал командира конников Божору.

— А ну, погуляйте шашками, хлопцы. Ударьте с налета — гайдамаки уже по инерции на Чернигов покатятся. А мы с полком к ужину подоспеем.

Божора, старый соратник Щорса еще по Семеновскому отряду, лихо козырнул, сбил на затылок мохнатую шапку:

— Есть!

Через минут пятнадцать конники скрылись за заснеженным бугром. Штаб, подтянувшись к главным силам, продолжал движение. Спокойно одолели верст семь. Еще три четверти часа, и Седнев. Однако почему же там так тихо?

Щорс, подав знак вестовому, пришпорил коня. Они быстро обогнали обоз, спустились в ложбину. И неожиданно прямо у дороги увидели спешившихся всадников. Божора виновато докладывал:

— Товарищ комбриг, на каких-то полчаса опоздали. Подкрепление подвалило — целый гайдамацкий курень. Трехдюймовку установили на площади, станкачей много, на каждых вторых санях...

Щорс внимательно выслушал сообщение, и вдруг у него озорно сверкнули глаза:

— Так это же здорово! Чем больше мы их здесь посечем, тем легче будет брать Чернигов.

Приказав первой роте на саних торопиться к Седневу, скомандовал:

— Коней сдать охранению, остальные за мной — шагом марш!

Щорс бежал заснеженной балкой, держа в руках ручной пулемет «льюис» — с тех пор, как начались боевые действия, не разлучается с ним. Тридцать восемь спешившихся конников едва поспевали за командиром.

Мелькнула мысль: не легкомысленный ли шаг совершает? Но он сразу же отогнал ее. Раз подкрепление только подошло, значит, оборону организовать еще не успели. К тому времени, когда поспеет первая рота, они внезапно ударят с тыла. Большой переполох поднимется!

Скрытно, балкой подошли к самому местечку. Перед ними открывалась довольно просторная площадь, уставленная обозом. Дымились походные кухни, взад-вперед сновали гайдамаки.

Никакое это не подкрепление, сразу же сделал вывод Щорс, осмотрев площадь. Просто бежит один из гайдамацких куреней к Чернигову, вот и остановился на ночлег.

Он знаком приказал выдвинуть ручные пулеметы, сам залег у своего «льюиса». Дружные очереди резанули сумерки.

Паника поднялась неимоверная. Синежупанники, бросая оружие, прыгали в нераспряженные сани и гнали лошадей.

Первая рота немного опоздала, окружение не удалось. Большая часть гайдамацкого отряда ушла, правда, налегке, оставив на площади обоз и раненых. Богунцам досталась нерасчехленная пушка, шесть пулеметов, много другого оружия, лошадей. И кухни. Когда подоспела на саних первая рота, разведчики уже снимали пробу.

— А добрый кулеш варят чертовы гайдамаки!

Щорс не скрывал досады от того, что выпустил из ловушки большую часть гайдамаков, но это чувство быстро потонуло в общем ликовании. Седнев взяли без жертв. Он ловил на себе восторженные взгляды бойцов, краем уха слышал приглушенные реплики:

— Вот как нужно города брать!

— А что же ты думал, сам батька Мыкола вел людей в атаку. Видал как? Пулемет схватил и первым в огонь...

Вечером к нему зашел хмурый Барабаш.

— Николай Александрович, конечно, победителей не судят, но мне непонятно ваше, извините, мальчишеское лихачество. Конечно, бойцы захлеб рассказывают, как одна пуля прострелила на вас фуражку, а другая раздробила рукоять револьвера. Но авторитет у красноармейцев можно не только таким путем завоевывать. Кстати, он у вас уже довольно прочный.

Щорс хотел сказать что-то резкое, но овладел собой.

— А кроме лихачества ведь был и расчет? На неожиданность, на неподготовленность врага, на резерв, который... почти не опоздал. Была и трезвая оценка обстановки. Я сам, как вы знаете, командовал отрядом, прежде чем был назначен к вам комиссаром, и мне ваши чувства понятны. Но в штадиве придерживаются иного мнения. Не так уж много у нас сейчас красных комбригов, чтобы разрешать им водить в атаку взвод!

— Ладно, принимаю к сведению!

Щорс понимал, что измотанным трудными переходами и боями красноармейцам нужно дать хоть небольшой отдых, но время торопило. Впереди лежал Чернигов. И дело было не только в том, что захват этого города открывал путь на Киев. Седнев взяли с ходу. И Щорс решил, что противник сейчас деморализован. А ведь он и теоретически знал, и на практике не раз убеждался, как важно вовремя развить успех, не дать ошеломленному врагу собраться с силами. Конечно, Чернигов не простой орешек, в нем

отборный петлюровский корпус, артиллерия, броневики.

С закрытыми глазами видел карту города во всех мельчайших подробностях, знал все укрепления, огневые точки. Были четко определены задачи каждой роты.

А все же главную ставку решил сделать на неожиданность, нестандартность принимаемого решения.

Петлюровская разведка, безусловно, знает, что они остановились на ночлег недалеко от города. Следовательно, начала наступления враг не ожидает раньше рассвета. Но ночлега не будет. Хоть люди смертельно устали. Отдохнут завтра. В Чернигове.

В два часа ночи он поднял по тревоге первый батальон Кошеева, не раз уже проверенный в трудном деле. Придал ему конников и приказал за ночь преодолеть двадцатикилометровый путь, чтобы выйти к Десне и намертво закрыть шоссе на Киев. А остальные батальоны, включая и тарашанцев, еще до рассвета начали стремительное наступление одновременно с двух направлений — с фронта и с тыла.

Эффект внезапности сработал. Как позднее показали пленные, петлюровцы посчитали, что к Чернигову подошли какие-то новые, неизвестные части: так были они уверены в том, что бригада Щорса отдыхает после трудного перехода. А когда отступающие натолкнулись на заслон Кошеева, это мнение утвердилось. В городе поднялась паника, целыми подразделениями петлюровцы дружно поднимали руки.

Верхом на коне Щорс поспевал везде, где складывалось напряженное положение. Быстрым ударом поспешил захватить бронемашину: если петлюровцам удастся пустить их в дело, может возникнуть паника. Тем более, что его бойцам против такой техники драться еще не приходилось.

Вскоре с юга ударила артиллерия Боженко. Клещи вокруг города сомкнулись.

К полудню бой закончился. На площадь свозили захваченную технику. Бойцы уважительно рассматривали корпусную радио-телеграфную станцию, броневики.

Щорс отправил в Семеновку, где сейчас дислоцировался штаб дивизии, краткое, но весьма весомое донесение. Порадовал ответ: штадив не только благодарил за взятие Чернигова, но и выделял из захваченных броневиков три машины для его бригады.

Политотделы не дремали. Раздобыв где-то ведро красной краски, решили сразу же «узаконить» технику. Через какой-нибудь час на броне машин красовались свежие надписи: «Богунец», «Таращанец» и «Красноармеец».

Щорса кольнула обида. Только вчера от Локатоша поступил приказ, в котором он категорически отменял названия полков, впредь предлагая именовать их только порядковыми номерами. Конечно, они теперь регулярная армия, а не партизаны. Но в названиях-то этих — уже целая история. В скольких городах и селах знают их как богунцев, таращанцев...

Правда, в приказе указывалось, что особые названия у полков могут быть, но их присваивают только решением рабоче-крестьянского правительства Украины за особые боевые отличия.

Ну, что же. Будут особые заслуги. Делом заслужим право носить эти имена.

Вечером по привычке зашел Барабаш. Немного странный, с загадочной улыбкой на лице.

— Николай Александрович, к вам делегация от 8-й роты. Темнят что-то хлопцы, не хотят говорить, по какому делу.

— Просите...

Бойцы смущенно мялись.

— Товарищ комбриг, Николай Александрович. Мы вот здесь посоветовались. Хотим, чтобы память у вас осталась о Чернигове. О том, как вместе дрались...

Они развернули небольшой сверток, и Щорс увидел алую ленту с надписью: «За храбрость товарищу Щорсу от товарищей красноармейцев 8-й роты 12 января 1919 г.»

Лента — подарок за храбрость
Н. А. Щорсу от красноармейцев
8-й роты 1-го Богунского полка
в день освобождения Чернигова
12 января 1919 г.

Щорс залился румянцем. Порывисто поднялся, обнял делегатов.

— Спасибо, товарищи! Большое спасибо. Да это для меня самая дорогая награда!

Потом торжествующе взглянул на Барабаша.

— Так лихачество, говорите? Интересно, кому из царских офицеров или генералов солдаты такие подарки преподносили? То-то, товарищ комиссар. И в риск иногда большой смысл имеется!

...Тяжелым выдался январь. Изматывали не столько почти непрерывные бои, сколько трудные переходы в стужу, метель. Но, казалось, никто не замечал ни ран, ни обмороженных в легкой обуви ног. Впереди лежал Киев, дорогой им всем город.

Атаман войска украинского Симон Петлюра спешно укреплял подступы к городу. По данным разведки, можно было предположить, что главным опорным пунктом он намерен сделать Бровары.

Однако Щорс уже располагал значительными силами для решения таких задач. Успешно формировался кавале-

рийский полк под началом Петренко. Один эскадрон выделил Боженко, другой — богунцы. Хорошую службу сослужили черниговские трофеи. Среди различного военного имущества там захватили много седел, пик и прочего снаряжения. Да и конями разбогатели.

Значительно возросла огневая мощь бригады — имели уже девять артиллерийских орудий, броневики, около двухсот пулеметов.

1 февраля Богунский и Тарашанский полки почти одновременно ворвались в Бровары. Петлюра, призывавший любой ценой удерживать опорный пункт, первым покинул поле боя, укатил в Киев.

Нетерпеливый Боженко упрашивал Щорса поручить ему на плечах у врага ворваться в Киев. Щорс остановил его. Киев «на ура» не возьмешь, да и нужды такой нет. Бойцам необходим отдых. За это время они проведут разведку, уточнят детали операции.

В Бровары неожиданно приехал командующий Украинским фронтом Владимир Александрович Антонов-Овсеенко. Щорс видел его впервые и с неприкрытым любопытством разглядывал этого человека.

Вместе с членом Реввоенсовета фронта Ефимом Афанасьевичем Щаденко командующий ознакомил с обстановкой в Киеве. В своей агонии Директория свирепствует, проводятся массовые аресты, расстрелы без суда и следствия.

Но партийное подполье действует, крепнет рабочее сопротивление. Трудящиеся киевских заводов готовятся оказать вооруженную поддержку наступающим войскам в битве за освобождение родного города. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины в своей декларации от 26 января заявило: «Врагов Советской России мы объявляем врагами Советской Украины. У нас одинаковые политические, экономические и военные задачи».

Потом Антонов-Овсеенко со Щаденко устроили смотр войскам. Щорс, шагая пружинящим шагом, четко доложил

и стал впереди строя. За ним Боженко, играя неизменной нагайкой. Полки, хоть и обмундированы довольно разношерстно, звонко чеканя шаг, отлично прошли по площади.

— Как вам наши командиры? — позже спросил Антонов-Овсеенко у Щаденко.

— Признаться, Владимир Александрович, Щорса я себе представлял немного иным. Даже очень иным. Больно много о его лихости наслышан. А чувствуется — человек волевой, организованный.

— Да, — поддержал его Антонов-Овсеенко. — Незаурядная личность. Вот вам два типа командиров. Если в Боженко еще играет определенная анархостихия — хотя бойцы ему преданы, в огонь и воду пойдут за ним, — то во втором чувствуется сознание великой цели рабочего класса, спокойная дисциплинированность большевика. Вы обратили внимание на его взгляд? Мальчишка ведь совсем, а смотрит твердо, будто насквозь тебя видит.

Помолчав немного, добавил:

— Я ведь смотр главным образом для чего устроил? Хотел увидеть, кто же пойдет на штурм Киева — повстанцы или дисциплинированная советская армия. Вижу — зря волновался.

Уже кончили разрабатывать план операции по взятию Киева, когда прибыла делегация от подпольного областного партийного комитета. Ситуация изменилась. Петлюра отказался защищать Киев, войска отходят по направлению к Фастову, увозя награбленные ценности. Но лютуют проклятые сечевики напоследок зверски, бесчинствуют, убивают мирных людей.

Делегация просила по возможности ускорить наступление на город, чтобы спасти жителей от расправы петлюровцев.

Антонов-Овсеенко, присутствовавший при встрече, на вопросительный взгляд Щорса ответил коротким кивком головы.

Сломив разрозненные очаги обороны на окраинах, богунцы и тарашанцы 5 февраля 1919 года вступили в Киев. Много помогли и рабочие. Военно-революционный комитет Киевского железнодорожного узла сформировал вооруженный пулеметами отряд и фактически контролировал работу железной дороги.

В центр города вступали под духовой оркестр. Увидев на площади человека, прилаживавшего к треноге кинокамеру, Щорс подозвал ординарца.

— Видишь этого, в картузе с наушниками? Мигом к нему, пусть снимает фильм чин по чину. Оставайся при нем неотлучно, чтобы к вечеру нам кино показал.

К вечеру не получилось по техническим причинам, но на следующий день делегаты всех подразделений переполнили кинозал. Когда на экране появились колонны богунцев и тарашанцев, которых тепло приветствовало население, в зале началось всеобщее ликование. Многие бойцы вообще впервые были в кинотеатре, а тут такой сюрприз — увидеть себя, своих товарищей.

Пленка окончилась минут за десять, но никто не хотел расходиться. Сидевший в первом ряду Щорс наклонился к Щаденко.

— Пусть останется для истории, правда ведь, Ефим Афанасьевич?

— Что говорить, здорово вы придумали. Знаете, какая это важная политическая работа?

Щаденко вспомнились слова Антонова-Овсеевко, сказанные о Щорсе несколько дней назад, после смотра: «Имена великих творцов мы помним по созданным ими произведениям. Имя Щорса будут помнить по прекрасному произведению его большевистской воли и революционной сознательности — по созданному и воспитанному им Богунскому полку». Может **быть**, немного высокопарно высказался командующий фронтом, но правильно! Нет сейчас на Украине более организованной, боеспособной, дисциплинированной части, чем его полк.

Еще через день Антонов-Овсеенко поздравил Щорса и Боженко — Временное украинское правительство за боевые заслуги постановило наградить командиров полков почетным оружием. Но еще больше обрадовало Николая Александровича сообщение о том, что Богунскому и Тарашанскому полкам сохраняются их наименования, за доблестные действия против врагов рабочих и крестьян. Правительство Украины вручило им почетные Красные знамена.

Тут же пришло и новое назначение — Щорс стал комендантом освобожденного города, начдив Локатош — начальником гарнизона.

В эту ночь он долго не мог заснуть. Через покрытые морозными узорами стекла — поселили его в одной из комнат бывшего царского дворца — вглядывался в притихший в темноте город. Всего четыре с половиной года тому назад, совсем мальчишкой вместе с фельдшерской сумкой получил он здесь направление в часть. Получилось — путовку в большую жизнь.

В. Н. Боженко

Как немыслимо далеко ушло то время! Сегодня он — комбриг. Ему поручено в Киеве устанавливать революционный порядок. Велика честь, велика и ответственность...

А память все листала страницы времени. Вспомнил дядю Казимира, своего первого учителя, который преподнес ему начальные уроки классовой борьбы, во многом помог найти свое место в вихре бурных событий. Навестить бы его, измученного болезнью, да где найдешь для этого несколько дней? Увидел перед собой черноглазого паренька, сунувшего когда-то листовку, а потом, в лазарете, не успевшего сказать что-то очень важное.

Каждый оставил свою зарубку в сердце, от каждого взял он что-то очень для себя существенное, без которого не было бы, вероятно, сегодня красного комбрига Щорса...

Сквозь окно с фрамугой из старого дуба, вычурной, фигурной, от Днепра потянуло резким холодом. Щорс покачал головой: дворец царский, а холод адский. Что-то делается сейчас в рабочих домишках? Запасы топлива, по имеющимся у него данным, очень скудные. Нужно завтра же распорядиться, чтобы дровяные склады взяли под строгий контроль.

Первые приказы, составленные совместно с Локатешем, напечатала газета «Киевский коммунист», выпускавшаяся в городе нелегально. Щорс взял газету, просмотрел ее и спрятал в планшетку. На память.

Поймал себя на мысли, что в последнее время все чаще начинает об этом думать — о памяти. Фильм приказал отснять «для истории», теперь газету спрятал в личный архив. Что это, возрастное? Пожалуй, нет. Это трезвая оценка происходящих событий. Действительно, когда станет полностью свободной Советская Россия, новым поколениям будет интересно узнать о тех, кто завоевывал для них новую жизнь.

Какими они были?

Пусть знают, что были они совсем простыми рабочими и крестьянскими парнями. Но героическое время сделало их героями.

Как недавний гимназист, ныне командир червонных казаков Виталий Примаков, милый его сердцу друг, с которым повстречались всего несколько раз, но сроднились навсегда. При каждой возможности обмениваются то короткой запиской, то устным приветом через нарочного, условливаются о встрече, когда разобьют всех врагов.

Как киевский рабочий Василий Назарович Боженко, вставший во главе полка, отчаянно храбрый, крутой, но справедливый: за дело сурово накажет бойца, за дело при всех расцелует. А казалось, быть бы ему всю жизнь краснодеревщиком, на радость людям мастерить красивую мебель.

Как Казимир Францевич Квятек, в 18 лет угодивший на царскую каторгу, прошедший там суровые университеты, ставший способным и сознательным командиром.

Как храбрый и рассудительный, с несомненным военным талантом Кощеев, пулеметчик Заровный, командир конников Божора и многие, многие другие. Пусть знают о них люди. О живых и павших...

В последующие десять дней ни в штабе, ни в своей квартире почти не бывал — дни и ночи проводил в комендатуре, на Думской площади.

Заниматься приходилось практически всем. Как и предполагал, скверно получилось с топливом. С самого начала не организовали как следует охрану складов, и значительную часть запасов расхитили. Выпущенные Петлюрой перед отступлением уголовники разбойничали, грабили по ночам.

А дети... Проезжая в своем стареньком автомобиле по улицам города, посещая вокзал, базары, всюду видел голодных, оборванных, завшивевших детей войны. Вместе с исполкомовцами выделил несколько барских особняков под детские приюты, велел собирать беспризорников.

В суеде неотложных дел не забыл о своей школе. Решил хоть на минуту заглянуть в родной уголок. А там время будто остановилось. Тот же генерал Калашников на своем посту, тот же госпиталь по соседству. И товарищи, с кото-

рыми недавно хлебал одни щи. В роли служащих, преподавателей. Смотрели на него уважительно, не как на однокашника — на коменданта, почтительно пожимали руку.

Щемящее чувство недавней юности кольнуло Николая. Но дела торопили. Успел только отдать распоряжение, чтобы и школу и госпиталь поставили на довольствие.

Больше всего утомляли бумажные дела. В приемной комендатуры целыми днями толпились беспокойные посетители. Редко кто спокойно дожидается очереди, у всех дела, не терпящие отлагательства. А решить вопрос — даже маленький — не просто подпись поставить. Даже если это ночной пропуск заводскому дружиннику. К человеку приглядеться нужно, ошибка в таком случае может дорого стоить.

Работал с исполкомом Киевского Совета рабочих депутатов, который возглавил Андрей Бубнов. Данной ему властью содействовал организации Совнархоза, национализации промышленных предприятий, решению целого ряда других насущных вопросов. Совместно позаботились о выполнении военных заказов для оснащения своих бойцов.

Городская партийная организация направляла в армию коммунистов, рабочих. Желающих добровольно пойти на фронт оказалось немало. Это радовало Щорса. Что ни говори, а и в Богунском, и в Таращанском полках основная масса — крестьяне. Воюют неплохо, грех обижаться, но революционное сознание, дисциплина не всегда на высоте. Он хорошо понимал, как важно усилить рабочую прослойку в войсках, укрепить их стойкими большевиками.

При встрече с Локатошем не раз спрашивал: долго ли еще им здесь сидеть? Люди они военные, драться нужно, а не комендантствовать. Тот успокаивал:

— Ждать недолго. А тебе что, отдыхать надоело?

— Хорош отдых. Уже забыл, когда подряд пять часов спал...

Петлюровцы отходили на Фастов, Житомир, Винницу, Умань. После бесславной сдачи Киева принудительно мобилизованные крестьяне при каждом удобном случае сдавались в плен.

Но недооценивать силы противника нельзя. Серьезную угрозу представляют атаманы Коновалец и Волошенко, у которых тысяч двадцать пять хорошо вооруженных и обученных сечевиков. Неожиданная опасность назревала на юге и юго-западе. Марионеточное правительство Галиции прекратило войну с Польшей, налаживает контакты с Петлюрой. Почувствовав в Советской России большую опасность, чем в панской Польше, начинает перебрасывать свои части на Украину. Одесса во власти войск Антанты.

Размышляя над картой, Щорс постоянно устремлял взгляд на Винницу, куда Директория временно переместила свою столицу. Захватить ее — это значит не только нанести Петлюре тяжелый моральный удар, но и разъединить силы Директории на две части, перерезать пути на юг, изолировать их от галицийской группы, от Одессы, откуда поступают военные грузы. Но до Винницы еще шагать и шагать...

Приказ о выступлении из Киева наконец пришел. Щорс поставил перед своей бригадой задачу первым делом овладеть Фастовом и Ходорковом.

Петлюровцы откатывались под натиском местных партизан.

В Ходоркове партизанский отряд под руководством Шамиса устроил богунцам приятный сюрприз. Встречали освободителей на околице с оркестром, почетным караулом. Когда полк проследовал к площади, бойцы заулыбались от неожиданности: вся она была уставлена столами, в котлах дымился ароматный борщ. Озябшие красноармейцы дружно взялись за ложки.

— Вот так бы всегда воевать! — слышал Щорс довольные реплики.

Он устало улыбнулся. Да, так бы всегда. Но война не прогулка и не парад. Совсем небольшой путь прошла его бригада, а сколько славных товарищей, сколько друзей осталось лежать на сельских кладбищах, на городских площадях, на лесных полянах. Сколько их полегло — за каждого он, командир, в ответе. А если последние победы достались малой кровью, то, значит, не напрасно он в дни учебы и войны штудировал учебники, пытаясь вникнуть в причину каждого успеха и каждой неудачи. На одном везении далеко не уедешь.

Когда взяли Казатин, случилось неожиданное. Вечером в штаб заявился Никита Коцар, с которым военные дороги развели его еще с начала зимы. Не успели как следует обняться, огорошил новостью:

— Поздравляю, товарищ начдив! Подписан приказ о назначении Николая Александровича Щорса начальником 1-й Украинской советской дивизии!

Щорс ошалело смотрел на товарища.

— Погоди, как же это? А Локатош, что с ним?

— Э, Реввоенсовету виднее. Сейчас ведь новый командующий войсками Киевского направления, знаешь? Мацилецкий. Думаю, не последнюю роль в этом сыграли Антонов-Овсеенко и Щаденко. Очень хорошо о тебе говорили. Но дело не в этом. Рад за тебя, Никола, знаешь, как рад?

Он осмотрел подтянутую фигуру Щорса.

— А чем не начдив? Годков маловато, так ведь и нашей Советской власти не много. Давай, друже, оправдывай доверие!

Допоздна чаевничали, вспоминали, делились новостями. Коцар сообщил, что начальником штаба дивизии назначен бывший офицер царской армии Сергей Васильевич Кассэр. Коцар добавил:

— Штабист он очень толковый, а к военспецам нужно привыкать. Все больше их переходит на нашу сторону, и это очень добрый знак. Да, о военкоме не сказал: им будет уже знакомый тебе Исакович.

Об Исаковиче много рассказывал ему Никита еще в первые дни знакомства, а потом тот и сам приезжал в Унечу, налаживал политическую работу в полку. Человек стоящий. С таким работать будет приятно. А ведь он уже в новой роли, постановление Реввоенсовета подписано еще вчера...

Когда Коцар улегся, Щорс прикрутил фитиль лампы и уселся к столу. Значит, работать. Нужно прежде всего подготовить приказ о вступлении в командование дивизией. Бумага нехитрая, но когда ее завтра зачитают перед строем, тысячи бойцов и командиров сделают по этому приказу свое первое заключение о новом командире.

Начал писать приказ по форме:

ВОЙСКАМ 1-Й СОВЕТСКОЙ УКРАИНСКОЙ ДИВИЗИИ

г. Казатин

11 марта 1919 г.

№ 64

§ 1

Я с 8 марта вступил в командование 1-й Советской Украинской дивизией.

Основание: постановление Реввоенсовета группы войск Киевского направления от 5 сего марта за № 356.

Писал, перечеркивал, снова писал. Понимал, что военный документ должен быть предельно кратким, четким. И в то же время не мог преодолеть желания сказать своим подчиненным что-то по-человечески искреннее, задушевное.

Вот почему в ряд строгих и деловых строк неожиданно вплелись и такие слова:

§ 2

Товарищи красные командиры и красноармейцы!
Я обращаюсь к вам с товарищеским приветом и в то же время прошу твердо помнить, что вся наша общая работа в

дивизии против врагов революции и народа тогда лишь будет продуктивна и крепка, когда будет основываться не только на взаимном доверии друг к другу, но и на активном участии всех товарищей красных командиров и красноармейцев. Каждый товарищ должен проникнуться той мыслью, что только при той сплоченной, тесной централизации и сознательной товарищеской дисциплине мы сильны и нам никакие силы неприятеля не страшны.

Товарищи красноармейцы, твердо помните, что в рядах революционных красных войск находятся лучшие сыны рабочих и крестьян, которые в борьбе за осуществление идей коммунизма отдают свою жизнь. Товарищи красноармейцы, я более чем уверен, я убежден в том, что общими силами, участием всех сознательных товарищей мы создадим твердую, мощную, сознательную товарищескую дисциплину — мы дети семьи трудовой, «мы армии народной коммуны, мы желаем, мы можем, мы умеем и мы создадим».

Да здравствует власть Советов на Украине и во всем мире!

Да здравствует Красная Армия со своей мощной, сознательной товарищеской дисциплиной!

Начальник 1-й Советской Украинской дивизии Щорс.
Начальник штаба Кассэр.

Несколько раз перечитал эти строки. Стиль, конечно, немного не военный. Но что значит военный стиль? И разве его бойцы, вчерашние рабочие, крестьяне, родились солдатами? Нет, сама жизнь заставила их взять в руки оружие. Почему же он должен обращаться к ним сухим языком стандартного приказа? Уже перед рассветом растолкал сонного Коцара, сунул ему листок с приказом.

— Погляди, Никита, годится ли? Сам знаешь, дело для меня новое...

Коцар быстро пробежал глазами текст приказа.

— Годится, Николай Александрович, вполне годится. О главном ты сказал. Что принял командование дивизией.

Что в каждом бойце видишь не только и не столько подчиненного, сколько боевого соратника, товарища по борьбе.

Прилечь так и не пришлось. Но от нервного напряжения усталости не чувствовал. Утром познакомился с Кассэром и отправился осматривать полки. В отношении своего приемника не задумывался. Кому отдать Богунский полк, как не Квятеку? С того памятного вечера, когда с группой снежских товарищей пришел он в Семеновку, крепко объединились их судьбы.

Сколько раз вечерами, в короткие перерывы между боями, слушал Николай рассказы этого человека с легендарной судьбой. Мальчишеская категоричность и бескомпромиссность привели его в ряды польских террористов. В 1905 году за покушение на жизнь варшавского губернатора его присудили к смертной казни, которая ввиду несовершеннолетия «преступника» была заменена двадцатью годами каторги.

Когда после Февральской революции Квятек вырвался на волю и вместе с Константином Лугинцом прибыл на Черниговщину, он был уже убежденным большевиком. И хоть события складывались так, что Казимир Францевич все время был у него, Щорса, в подчинении — от взводного в Семеновском отряде до помощника командира Богунского полка, он, Николай, многому научился у своего товарища.

Смотром дивизии в целом остался доволен. Богунский и Таращанский полки, как всегда, на высоте, у Петренко тысяча сабель в конном полку, вот-вот можно будет формировать бригаду. У Черняка, командовавшего Новгород-Северским полком, и Горгуля, возглавлявшего нежинцев, положение было несколько хуже — и батальоны численностью поменьше, и снаряжены кое-как. Ну что же, теперь это его, начдива, работа — пополнить полки, экипировать их необходимым образом.

Потом вместе с Кассэром занялись картой. Щорса радовало, что начальник штаба поддержал его мысль о захвате

Винницы. Более того, Кассэр усмотрел в этом не только рассечение группировки Петлюры на две части и изоляцию его от галицийских полков, но и ликвидацию угрозы Киеву и самой 1-й Украинской советской дивизии.

— Вот и хорошо, что наши мнения совпали,— заключил Щорс.— Богунский и Таращанский полки уже находятся в непосредственной близости от Винницы, имеют приказ — первый с северо-запада, второй с юго-востока ударить на город и овладеть им.

О подробностях он умолчал. Наступлению на Винницу мешал разрушенный мост через реку Южный Буг. Петлюровцы делали на это ставку: они думали, что штурмовать город будут отсюда. Тогда Щорс приказал нескольким подразделениям заняться восстановлением моста. А тем временем два полка с двух сторон проводили глубокий охват города.

Окрыленный новым назначением, Квятек рвался к Виннице. На рассвете разведка доложила, что в местечке Калиновка бесчинствует курень атамана Паля — озверелые бандиты устроили массовый погром, убивают мирных жителей.

Утренний морозец немного прихватил дороги, загустела невылазная грязь, поутихли весенние потоки в оврагах. Квятек вызвал своего помощника Данилюка.

— С обозом, с артиллерией будем долго ползти. Двигайся за ними, а мы верхами попробуем этого Паля «на ура» взять!

Вместе с конниками Божоры до восхода солнца ворвался в Калиновку. Пока подошли первые отряды с Данилюком, местечко было очищено от бандитов.

Еще не остывший от боя, Квятек подлетел к Данилюку на коне.

— Порядок движения тот же. На Винницу!

— Казимир Францевич,— возразил Данилюк,— время, обозначенное в приказе, еще не подошло. Боженко не успеет нас поддержать...

— Зато внезапность обеспечим. Ответственность беру на себя! — уже на ходу, разворачивая коня, бросил Квятек.

Обойдя петлюровцев, богунцы вошли в город 18 марта.

Винница только просыпалась, когда в городе появились подразделения Богунского полка. Зная, что восстановление моста еще не закончено, петлюровцы не ожидали такого поворота событий. Обезумев от паники, они задворками и огородами убегали на окраины, так и не сумев организовать сколько-нибудь действенного сопротивления.

К Квятеку подлетел один из конников:

— Товарищ комполка! Там, на станции... Эшелоны уходят!

— Первый взвод, за мной! — не раздумывая, скомандовал Квятек.

И вот уже сорок богунцев на вокзале. Паровоз, обдавая белыми клубами станционные постройки, тихо двигался вперед. Несколько конников, дав шпоры, бросились вдогонку. Квятек увидел, как кто-то из бойцов, лихо выпрыгнув из седла, уцепился за подножку паровоза и стал карабкаться вверх. Через несколько минут состав, зло лязгнув буферами, остановился.

Несколько других эшелонов даже не успели сдвинуться с места. Удалось уйти только штабному составу.

Стихли последние выстрелы, когда в городе появился Щорс. Данилюк разыскал Квятека.

— Торопитесь, начальство требует. Будет, видать, разгон...

Но разгона не последовало. Щорс искренне обрадовался исходу боя. Только полушутя заметил:

— Остерегайся Василия Назарыча. Не простит он тебе, что все лавры победителя себе забрал...

Боженко, действительно, не скрывал обиды. Получилось так, что его полк подоспел уже на осмотр трофеев.

Щорс, успокаивая, сказал:

— Все правильно, Назарыч. Но жизнь, она всех под-

правляет. Вот и Квятек, получается, мой приказ нарушил, зато как удачно город взял! Так что же нам его за это называть?

Боженко продолжал недовольно ворчать:

— Сорок верст гнал хлопцев по бездорожью, чтобы Квятека с победой поздравить? Не согласен. В таком случае, товарищ начдив, пойдем на Жмеринку!

— Вот так сейчас и пойдешь Василий Назарович? — серьезно спросил Щорс. — А как же сорокаверстовый переход, на который жаловался? Устали ведь бойцы.

— Это уже наше дело!

Через несколько часов, после короткого отдыха таращанцы начали седлать коней. Уходил Боженко налегке, без обозов и артиллерии. Велел ждать вестового с докладом.

— Я понимаю, товарищ начдив, — обратился к Щорсу Кассэр, — сколь важно развить успех, не дать опомниться противнику. Но во взятии Винницы и в походе на Жмеринку, на мой взгляд, много... я бы сказал, партизанской лихости.

Щорс поднял на него холодные серые глаза.

— Сергей Васильевич, мы ведем необычную войну. Во всяком случае, в настоящий период Петлюра деморализован. Резервов у него нет, его солдаты ищут повода сдаться в плен. Нужно пользоваться ситуацией. И учитывать настроение наших войск.

Немного погодя добавил:

— А трудные бои еще впереди...

Сказал — как в воду глядел. Хотя взятием Винницы, где находилась украинская Директория и ставка Петлюры, и Жмеринки 1-я Украинская советская дивизия блестяще выполнила поставленное командованием фронта задание, отрезала части петлюровцев, стоящие в Умани, положение житомирской группы, однако, осложнилось.

Откатившись в Каменец-Подольский, Петлюра, казалось, потерял почти все. Но ему удалось войти в сговор с

польской шляхтой, и вот уже белополяки выдвигают свои войска на Ковель, Пинск, Сарны — те города, куда отступила Директория. Зашевелилась и боярская Румыния, обещающая свою поддержку.

Направление контрудара Петлюра рассчитал верно. Он образовал мощный кулак в районе Коростеня, на стыке Западного и Украинского фронтов. В конце марта шесть полков форсировали реку Тетерев и вышли к станции Бородеянка, откуда до Киева оставалось полсотни километров. Штаб 12-й армии просил срочной помощи.

Времени на размышления не оставалось. Коротко обсудив с Кассэром положение и ругнув штаб армии за то, что проглядел такую угрозу, Щорс приказал богунцам грузиться в эшелоны по тревоге. Не хватало подвижного состава. Он распорядился немедленно возвратить эшелоны обратно, чтобы перебросить к Бородеянке и нежинцев.

На станцию прибыли, едва опередив сечевиков Коновальца. Еще выпрыгивали из теплушек, разворачивались в цепь бойцы, когда показался петлюровский бронепоезд. Разведка 11-го погранполка, охранявшего станцию, доложила, что за ним следуют другие, а также товарняки с петлюровцами.

Под прикрытием брони и мощного пулеметного огня передовые отряды сечевиков пошли в атаку. Квятек приказал подпустить поближе.

— Господа синезупанные думают, что мы сейчас за две с половиной сотни километров отсюда, рассчитывают на легкую победу. А богунцы, как птицы, уже здесь!

Яростным ударом в штыки петлюровцев удалось оттеснить. Однако их силы превосходили силы защитников станции.

Направляя богунцев в Бородеянку, Щорс наделил Квятека полномочиями начальника боевого участка со всеми вытекающими последствиями. Поэтому, отразив первые атаки, комполка начал организовывать оборону. Был быстро сформирован отряд из местных железнодорожников.

Через несколько часов прибыл нежинский полк, а там подоспел и отряд киевских рабочих.

Лишь на третий день петлюровцы отступили. Значение этой победы для судьбы Киева отметил прибывший в Борodianку Наркомвоен Украины Н. И. Подвойский.

— Молодцы, щорсовцы! Не давайте передышки врагу.

Петлюровцы намеревались закрепиться на левом берегу реки Тетерев. Квятек повел свой полк в наступление. У станции Тетерев попали под интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь. Петлюровский бронепоезд, стоявший за мостом через реку, заставил наступающих остановиться. Цепи залегли за насыпью.

— Товарищ командир,— обратился к Квятеку запыхавшийся боец,— сечевики мост собираются взорвать! Заложили шашки, видать, ждут, когда мы выдвинемся.

Н. И. Подвойский

— Восьмая рота, за мной! — крикнул Квятек, поднимаясь над цепью.— Остальные — прикройте огнем!

Было видно, как синежупанники поджигают бикфордовы шнуры, когда они, неистовым броском преодолев несколько десятков метров, добежали до первого быка.

— Шнуры! Шнуры тушите, бросайте шашки в воду! — крикнул Квятек и вдруг, почувствовав тупой удар в ногу, упал.

От боли перед глазами поплыли огненные круги, но он успел заметить своих богунцев, топтавших дымящиеся шнуры.

Очнувшись, увидел перед собой миловидное девичье лицо. Из-под платка выбились пышные русые волосы, щеки горят. Соня Алтухова, военфельдшер.

— Как мост? — простонал тихо.

— Лежите спокойно, Казимир Францевич,— ответила девушка, туго перевязывая ему ногу.— Мост спасли. И петлюровцев дальше погнали!

Перед отправкой в госпиталь Квятек передал командование полком Данилюку.

— Скажи Николаю Александровичу, что не лихачил я. Мост нужно было спасти, и мы его спасли. Теперь на Коростень путь открыт.

...Коростень и Бердичев. Невелики города, да разве на войне это важно? Щорса особенно беспокоил Бердичев. Укрепится здесь враг — и линия фронта окажется разорванной, а 2-я Советская украинская дивизия — под угрозой окружения. Его тревогу разделял и штаб армии. Именно потому и назначил начдива начальником боевого участка в районе Бердичева. Щорс незамедлительно отправился туда с батальоном тарасчанцев.

...На душе было тревожно. Политотдельцы докладывали — там, у Бердичева, наименее боеспособные отряды. Руководство слабое, работают петлюровские агенты. Прибыл на место, оценил обстановку и убедился: так и есть.

Пришлось идти с таращанцами в штыковую, отбивать натиск сечевиков.

Телеграфом затребовал сюда полки Боженко и Черняка. А пока все силы отдавал тому, чтобы удержать город. Но это не удавалось. Несмотря на предпринимаемые героические усилия, случалось, за один день он по нескольку раз переходил из рук в руки. Только в начале апреля, когда подошли вызванные начдивом части, петлюровцы откатились от Бердичева.

В страстную субботу, предшествовавшую пасхе, петлюровцы утихи. Когда Щорс пришел в батальон Кощеева, тот заметил:

— По всей видимости, предстоит передышка. Не откажут себе их благородия и куркульские сынки в удовольствии попойнствовать ради такого праздника.

Щорс задумался.

— Как сказать. А могут, рассчитывая на нашу логику, наоборот, ударить всеми силами. Тем более, что отброшенные от Бердичева части вплотную придвинулись к Коростеню. Бдительность нужно удвоить!

Его опасения оказались не напрасными. Едва поднялось солнце, как цепи сечевиков, подогретых самогоном, двинулись в атаку. Главный удар наносился в районе села Могильно.

Звон колоколов, доносившийся из окрестных деревень, слился с пьяным ревом наступающих. Щорс разослал вестовых по батальонам, приказал не торопиться, подпускать на дистанцию прицельного огня.

Огневой мощью и богунцы и таращанцы располагали значительной. В каждом батальоне насчитывалось по 25—30 пулеметов, на высотах расположились батареи. Когда на петлюровцев обрушился дружный огневой удар, они дрогнули, повернули назад.

Но ненадолго. Через каких-нибудь полчаса, перегруппировавшись, снова пошли в атаку. Кощеев окопами пробрался на батарею.

— Товарищ командир,— крикнул полуоглохший от канонады заряжающий первой пушки,— передохнуть бы!

— Ничего, угощай Петлюру пасхальными куличами, пока не наестся до отвала!

Казалось, этому дню не будет конца. Бурый дым низкими волнами катился над степью, а из него выплывали все новые и новые колонны атакующих. Не прекращались атаки и ночью. Однако все усилия врага оказались напрасными.

Утром перед линией окопов появилась группа синезупанников с белым флагом.

— Ого, мира запросили! — прокатилось по траншее.

Однако делегация петлюровцев повела речь не о мире. Просили разрешить им убрать с поля убитых.

— Что же, убирайте,— махнул рукой Кощеев.— Воздух будет чище.

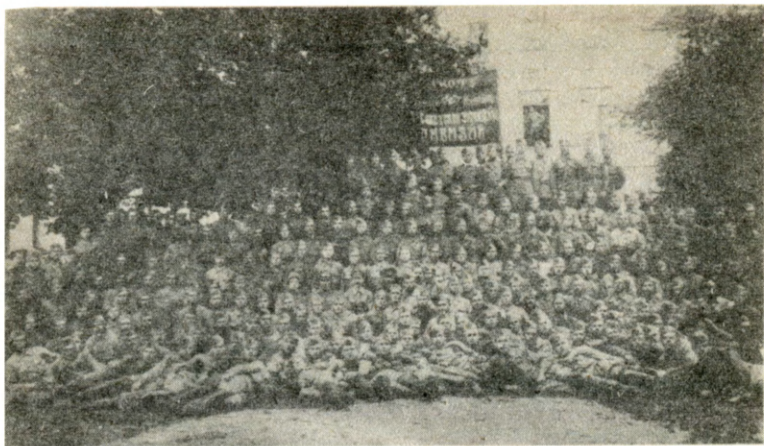
Почти до самого вечера вывозили на телегах трупы. А на следующий день все повторилось. И так целую неделю, пока части дивизии, отразив очередную атаку, не перешли в наступление сами. От Коростеня и Бердичева враг был отогнан.

Победа досталась нелегкой ценой. Измотанным войскам требовался отдых. Воспользовавшись тем, что прибыли новые части, Щорс отвел свои полки в Житомир на переформирование.

3

Анализируя положение, сложившееся под Бердичевом, Щорс понимал, что низок был моральный дух подразделений. Ему не раз уже приходилось убеждаться, как непрост диверсионный аппарат Петлюры. И в Семеновке, и в Унече проникали в отряд вражеские агенты, мutilовали воду. Случалось, что их скрытая агитация среди бойцов имела определенный успех, перерастала в стихийные бунты.

Да, Нежинский полк у него самый отсталый, наименее дисциплинированный. Много еще нужно с ним работать...

Щорс среди курсантов
школы краскомов 1-й Украинской
советской дивизии

Вместе с Исаковичем Щорс разработал систему контрмер. Пользуясь кратковременной передышкой, занимался не только переформированием дивизии — приказал усилить политическую учебу бойцов, направлял в роты и батальоны опытных коммунистов.

Теперь с улыбкой вспоминал свое пренебрежительное поначалу отношение к митингам. Прав был Казимир Табельчук — митинг митингу рознь. А для воспитательной работы, политической учебы мероприятие незаменимое. Не одними приказами, а вот таким откровенным разговором можно дать бой паникерам, бузотерам.

Политотдельцы вместе с чекистами провели чистку рядов Нежинского полка, да и других подразделений. Жизнь входила в нормальную колею: начались строевые, тактические, политические занятия...

В это время Щорс и занялся организацией курсов краскомов, о которых так долго мечтал. Не все сбылось из задуманного. Не раз курсантам приходилось участвовать в боях. Всего только семьдесят одному курсанту вручат командирские удостоверения. Они оставят заметный след в истории Красной Армии...

В последнее время дивизии непрерывно способствовал успех. С жестокими, но победными боями шли по направлению к границе. Отважным штыковым ударом третий батальон 1-го Богунского полка под командованием Федора Гавриченко занял Большие и Малые Салихи. За ними — Закреничье, Антонины, Кульчины, Староконстантинов. Богунцы вышли на реку Случь.

Под прикрытием артиллерийского огня все тот же Гавриченко первым перебросил свой батальон на противоположный берег.

Красилов, Проскуров, Воличиск. Каждый километр пути был отмечен своими победами, своими героями. Еще два бронепоезда отбили у Петлюры. Пулеметчик Борис Крайнер с ручным пулеметом ворвался в колонну сечевиков и в упор выкосил десятки врагов.

Еще немного, еще одно усилие, и последняя территория уползет из-под колес Директории!

А ход событий вдруг неожиданно и круто изменился. Нескончаемыми полчищами накатывалась с юга белая деникинская армия. Белогвардейцы занимают Донбасс, угрожают Царицыну, Правобережной Украине. Вдоль Волги, оставляя после себя пепелища и виселицы, движется Врангель. Над Петроградом занес свой меч Юденич.

Ленин призывает не на словах, а на деле превратить Советскую республику в единый военный лагерь.

И вдруг — реальная угроза с запада, где, казалось, положение стабилизировалось. На подмогу Петлюре двинулись галицийские полки. Панская Польша благословляет на участие в крестовом походе против большевизма корпус

под командованием генерала Галлера, сформированный во Франции из бывших польских военнопленных.

В штаб дивизии Щорса срочно отозвали из Волынского губкома партии, где он, как член губернского комитета, занимался налаживанием новой жизни в селах. Потрясло сообщение Кассэра: петлюровцы прорвали фронт у Проскурова.

Как свидетельствовали данные разведки, у Петлюры сейчас 50 тысяч штыков и 5 тысяч сабель. Силы большие, но его успех отнес и за счет того, что там оборону держали нежинцы. Самые нестойкие... А теперь, наступая на Шепетовку и Староконстантинов, «головной атаман Украины» стал угрожать тылам Таращанской и Новгород-Северской бригад. Остался в тылу, отрезанный галицийцами, 1-й Богунский полк Квятека.

Положение осложнялось активными действиями белополяков. В первый день наступления взяли Сарны, теперь движутся вдоль железной дороги, с прицелом на Киев. С другой стороны Киеву угрожают деникинцы...

Кассэр показал приказ штаба армии. Третьей пограничной дивизии предлагалось остановить Галлера на реке Стырь, а дивизии Щорса — ликвидировать прорыв петлюровцев и галицийцев.

Сразу же наметили план перегруппировки и боевых действий. Богунская бригада направляется в Шепетовку, для усиления ее придается бронепоезд «Богунец». Таращанцы, не ожидая, пока сечевики ударят по ним, сами выходят в тыл противника, а 1-й Богунский полк, закрепившись на реке Случь, встречает его с фронта.

Проскуров спасти уже не удалось. В июне петлюровцы заняли город. Но развить свой успех пока не смогли. Богунцы снова отбили сданный было Староконстантинов, закрепились на Случи. Крепко держали позиции и таращанцы.

Щорса сразила тяжелая весть: почти в один день пали от рук петлюровских агентов его славные боевые побратимы — командир таращанцев Василий Боженко и коман-

дир новгород-северцев Тимофей Черняк. Получив известие, всю ночь не сомкнул глаз. Сидел у стола, обхватив голову руками, видел их перед собою — живых, таких родных и близких, с которыми вместе пройден такой огромный путь. Хотелось крикнуть отчаянно: «Хлопцы, как же вы так?»

Уже перед рассветом расстелил карту, пытаясь разобраться в последних событиях. Положение крайне сложное. Фронт растянут, с некоторыми частями нет должной связи, не всегда можно представить четкую картину. Раньше он не раз распекал своих штабистов, если те мешкали с нанесением оперативной обстановки, а сейчас сам не знает определенно, какие населенные пункты обозначить.

Бойцы измотаны упорными боями, а отвести их хотя бы для краткого отдыха невозможно — сменить некем.

От печальных раздумий уже на рассвете его отвлек Кассэр. Сообщил, что на фронт прибывает Наркомвоен Украины Подвойский. Щорс облегченно вздохнул. На особые резервы не надеялся, но будет возможность хоть посоветоваться, наметить план дальнейших действий.

И. Н. Дубовой

Подвойский прибыл с Дубовым. Щорс с интересом присматривался к этому молодому, богатырского сложения человеку. Большая черная борода не чета его, щорсовской, румянец во всю щеку — внешность впечатляющая. Да и характер, видно, недюжинный — энергичный, волевой.

Вместе объехали почти все близрасположенные части, осмотрели передний край. Щорс не устал указывать на слабые места, но странно: почему-то не находил сочувствия у Наркомвоена Украины. Казалось, тот откровенно закрывает глаза на трудности. Наоборот, похваливал за порядок, грамотное ведение боевых действий, дисциплину.

Такое странное поведение Подвойского понял уже по возвращении в штаб. Николай Ильич не скрывал тревоги за Южный фронт. Собственно, затем и прибыл, чтобы организовать помощь Южному фронту.

С суровыми лицами слушали командиры рассказ о тяжелом положении в Донбассе, у Царицына. Значит, у них еще не так плохо...

— Реввоенсовет 12-й армии,— закончил Подвойский,— подготовил проект переброски дивизии Щорса на Южный фронт.

— Легко сказать — снять,— нарушил тяжелое молчание Щорс.— Она же в боях. Кроме того, кем закрыть такой огромный участок фронта?

— Я не говорю — сию минуту,— спокойно ответил наркомвоен.— Вот отобьете Волочиск, Проскуров, стабилизируете положение на фронте — тогда...

Но стабилизировать фронт не удалось. Пришла страшная вест: нежинцы оставили позиции, погрузились в эшелон и движутся к Житомиру. Петлюровцы без боя следуют за ними. Огорошила эта новость. Опять нежинцы!

Встречать эшелон дезертиров отправился с небольшим охранением из курсантов. Подавил назревавшее желание беспощадно расправиться с предателями — пусть чекисты выявляют зачинщиков, занимаются чисткой — у него своих забот достаточно.

Выгрузившимся скомандовал построиться, затем: «Положить оружие! Пять шагов назад!» Когда курсанты собрали оружие, сказал:

— Кровью будете смывать позор!

...Железным кольцом сжимал враг Украину. Петлюровцы, галицийцы, белополяки на западе, деникинцы — на юге и востоке. Пядь за пядью сдавали щедро политую кровью уже, казалось, освобожденную землю. Отступала 1-я Украинская советская дивизия, отходила и малочисленная, сформированная из отдельных подразделений 1-й Украинской армии 44-я стрелковая дивизия, командование которой принял Дубовой в июле 1919 года.

Невзирая на тяжелейшее положение, Щорс не чувствовал растерянности. Реальная, видимая опасность всегда приводила его в состояние наивысшей жизнедеятельности. При встречах с Дубовым обсуждал сложившееся положение. Дела из рук вон плохи. Но главное, что 1-я Украинская советская дивизия, потрепанная в боях, понесшая большие потери, лишившаяся Нежинского полка, который находился на переформировании, утратила наступательный порыв, а 44-я не успела его достигнуть. Выход напрашивался один — объединиться в одно сильное боеспособное соединение, состоявшее из четырех хорошо укомплектованных бригад и двух кавалерийских полков.

Новый командарм-12 Семенов не возражал против слияния дивизий, предложил руководство оставить за Щорсом, указал пути отвода хозяйственных частей, тылов: Мозырь, Гомель, Брянск. Убедительно просил не загружать Киев, подчеркнул огромное значение Коростеня. Убеждал собрать все силы, чтобы как можно дольше удерживать противника, закрыть ему путь на Киев. Идут ожесточенные бои с Деникиным, и каждый выигранный день очень много значит...

Не откладывая, Щорс принялся за разработку приказа. Лишь отправив его в штаб армии, немного передохнул.

К вечеру 15 августа Семенов огласил приказ по армии о слиянии дивизий в одну, 44-ю. Ее начальником назначался Щорс, а помощником — Дубовой.

Щорс отдал распоряжение стянуть все части к Коростеню. Нужно было выполнять приказ штаба армии, любой ценой удерживать этот важнейший железнодорожный узел и стратегический пункт.

Через Коростень тянулась единственная железнодорожная линия из Киева в Мозырь — последний путь, связывавший город с Советской Россией. Непрерывным потоком, днем и ночью шли эшелоны с ранеными, имуществом. Это свидетельствовало о том, что командование не исключает возможности сдать Киев. Под Черниговом деникинцы, от Белой Церкви нажимает Петлюра, ему помогают белополяки. А противопоставить им практически некого. Что ж, единственное, что может он сделать — это насмерть стоять под Коростенем.

4

Штаб дивизии Щорс разместил в Коростене. Передний край обороны проходил в каких-нибудь десяти верстах от города. Принимал такое решение не зря. Не столько для удобства руководством дивизией, сколько чтобы вселить уверенность в бойцов — отступить более не намерен.

Вместе с Дубовым Щорс проводил реорганизацию, налаживал оборону, занимался хозяйственными вопросами. В эту критическую минуту обременять штаб армии такими вопросами, как пополнение боезапаса, обмундирования, продовольствия, неуместно, нужно полагаться на собственные силы. И они отбивали обозы и склады у петлюровцев, галицийцев, белополяков. Особенно обрадовался, когда удалось раздобыть целый вагон ботинок — у бойцов обувь поизносилась, а воевать босиком не дело.

Резервов не было. Шутка ли сказать — почти на пятьсот километров растянулся фронт. Сдерживают натиск белопо-

ляков со стороны Сарн новгород-северцы, богунцы стоят на житомирском направлении. Пришлось снова пустить в дело Нежинский полк. Переформировал, укрепил командирскими кадрами — и в окопы, искупать позор. Оставались еще курсанты, но он щадил их до последнего часа. Так хотелось довести их до выпуска! Если уж не будет другого выхода, только тогда выдвинет их на самый опасный участок сдавать главный экзамен.

А пока тяжелее всех приходилось Богунскому полку. Называл его по-прежнему, хотя, когда сливали дивизии, все полки были переведены на общеармейскую нумерацию. Но в разговоре этого не придерживался. Как много связано с богунцами!

Даже в роли начдива какую-то особую нежность и привязанность чувствовал к своим богунцам. Их мужество и стойкость принесли ему столько побед, об их мужество и стойкость разбиваются сейчас отчаянные попытки петлюровцев и галицийцев захватить Коростень.

1-й Богунский полк занял свои же окопы, в которых дрались весной. Здесь, под деревнями Могильно — Рудня-Могиланская, самый опасный участок. На левом фланге — нежинцы, справа, в Ушомире, — кавбригада Петренко.

Стояли крепко. Почти на каждую атаку отвечали стремительным контрударом, штыками гнали сечевиков верст на десять, но сразу же возвращались назад, на свои позиции. Сил маловато, чтобы преследовать врага дальше, да и задача иная — удерживать город. Щорс понимал, что, как только деникинцы и Петлюра захватят Киев, они сообра и двинутся на них. Вот тогда и начнется главное.

Доносил в штаб армии. Если после падения Киева враг пойдет на Коростень, своими силами его не удержать. Семенов обнадежил. С севера, из России, пробиваются на помощь полки. Кроме того, отдан приказ Якиру с Южной группой 12-й армии прорываться на соединение с 44-й дивизией. Это уже реальная сила. У Якира три дивизии; если соединятся, можно потягаться с врагом.

С Кассэром и Дубовым колдовали над картой.

— Как только станет известно, что Якир начал движение, нужно будет ударить ему навстречу,— предложил Щорс.

Товарищи поддержали.

— Придется Квятеку отвлечь на себя внимание,— заметил Щорс.— Погонит Петлюру, поможет Якиру выйти к Житомиру. А тогда уже нас будет изрядная сила.

Дубовой согласно кивнул головой. Сработались они, кажется, неплохо. Понимают друг друга с полуслова, во всех принципиальных вопросах мнения сходятся.

— Вот, Иван Наумович, завтра съездим к богунцам, на месте все посмотрим, поставим задачу! — закончил разговор Щорс.— А сегодня уж поздно. Нужно отдохнуть.

Однако почему-то не спалось. Конец августа выдался на диво жарким, в комнате было душно, вероятно, завтра быть грозе.

Вспоминал погибших друзей. Сколько их, и какие люди! Перемеряли шагами родную украинскую землю, кровью окропили, сами в нее легли. А теперь почти все пришлось отдать врагу. Но живых — больше, и они отобьют свою землю обратно. Любой ценой отобьют!

Продержаться бы только самый короткий срок, до соединения с Якиром. А это от него зависит. Люди не подведут, он был уверен, нужно только грамотно ими руководить, все правильно взвесить и рассчитать...

Заснул, когда небо уже начало сереть, через открытое окно повеяло предрассветной свежестью.

Утро 30 августа выдалось хлопотливое, только к полудню вырвался из штаба. Петренко предложил свою машину — едет в Ушомир, подбросит до Могильного, где в окопах засел с богунцами Квятек. А потом снова пришет автомобиль. Щорс одернул новенькую кожаную куртку, поправил фуражку и сел сзади с Дубовым.

Квятек с комиссаром Довгалеvским встретили их на выгоне, перед въездом в село. Приглашали отобедать, но гости отказались — не время. Не стали даже раскрывать карту. Нужно сначала все своими глазами увидеть.

Над линией окопов, протянувшихся до Белошицы, стояла непривычная тишина. Лишь иногда от железнодорожной насыпи звучал одиночный выстрел или отдавалась эхом короткая пулеметная очередь.

Как бы угадав удивление начдива, Квятек объяснил:

— Патроны бережем. Я приказал не отвечать на беспорядочную стрельбу.

— Это правильно,— поддержал Щорс.— Завтра-послезавтра скучать вам не придется. Когда двинется на прорыв Якир, нанесете Петлюре мощный контрудар.

На лесной опушке задержались — Щорс хотел поговорить с бойцами третьей резервной роты. Правда, резервной ее можно было назвать только условно — отвели из окопов на короткий отдых. Красноармейцы окружили начдива, засыпали вопросами.

— Трудно, ребята,— как бы отвечая сразу всем, сказал Щорс.— Но знаю и другое. Пройдут считанные дни, и положение круто изменится. И погоним мы Петлюру с его приспешниками аж за самую советскую границу. Кто не верит — приходи ко мне через месяц считаться!

Дальше Щорс решил направиться в третий батальон.

— Не нужно туда,— совсем не по-уставному начал Квятек.— Окопы на взгорке, ничем не прикрытые и недостаточно глубокие...

— Почему не углубили? — недовольно прервал его Щорс.— Ночью нужно работать, когда враг не может вести прицельный огонь. Ведь воевать, не в бирюльки играть собрались!

Квятек имел основания для беспокойства. С самого утра из полуразрушенного железнодорожного строения, видневшегося в нескольких сотнях метров от окопов, постреливал пулемет. Очевидно, ночью туда забрался петлю-

ровец. Стоило над бруствером мелькнуть фуражке или блеснуть штыку, как раздавалась короткая, но меткая очередь. Правда, Хомиченко разозлился, послал туда два или три снаряда. Как будто замолк пулеметчик. Но кто знает? Ведь до него — рукой подать.

— Вперед,— коротко сказал Щорс, кивнув Дубовому. Потом, повернувшись к Квятеку, добавил: — Ты же знаешь, все богунцы говорят, что Щорса пуля не берет. А недавно вот и Иван Наумович заметил, что я везучий!

Перед позициями третьего батальона их встретил комбат Ковбаса. Приложил руку к выгоревшей фуражке, начал докладывать, но тут же присел. Неожиданная очередь прошла бруствер окопа рядом с ним. Залегли и остальные.

Щорс поднял бинокль и приник к нему глазами. Увидел короткую белую вспышку под крышей полуразбитого строения.

— Вот он где укрылся! — повернулся к Дубовому.

В этот момент бинокль выпал из рук начдива, и он начал медленно оседать на дно окопа. Дубовой одним рывком оказался рядом. Приподняв голову Щорса, почувствовал, как руки обожгло горячей кровью. Расширенными от ужаса глазами смотрел Квятек.

— Я же говорил! Как же так, Николай, как же так!

...Весть о гибели любимого начдива молнией облетела позиции. На следующее утро, 31 августа яростной штыковой атакой, начавшейся после артиллерийской подготовки, богунцы сломили сопротивление врага, выбили его из окопов и погнали от Коростеня.

Под командованием И. Н. Дубового дивизия выстояла под Коростенем, пробилась к Житомиру, где соединилась с Южной группой 12-й армии во главе с И. Э. Якиром и членами Реввоенсовета Я. Б. Гамарником, В. П. Затонским, Л. И. Картвелишвили. Блестящим ударом был освобожден Житомир, советские войска совершили смелый бросок на Киев, остановили денкинцев под Черниговом.

Славный путь прошла дивизия трудными дорогами гражданской войны, до полного разгрома всех врагов, до полного освобождения родной земли. Окончится война, и бойцы, командиры, политработники щорсовской дивизии напишут летопись побед, посвятив ее: «незаметному прапорщику старой армии, выдающемуся красному вождю, основателю 1-го Богунского полка 1-й Украинской повстанческой дивизии, стойкому бойцу-коммунару, легендарному начдиву т. Щорсу. Тому, кто с котомкой на плечах пришел к боевикам-партизанам, чтобы организованными рядами повести их в бой с угнетателями рабочих и крестьян. Тому, кто сочетал в себе безграничную храбрость и бунтарский дух красного партизана с четким, дисциплинированным умом красного вождя. Тому, кто жизнь свою отдал за революцию в передовых окопах гражданской войны».

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА	3
ЗАПАХ ПОРОХА	14
В БОЙ РОКОВОЙ...	31
СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ	68

ИБ № 3152

Сдано в набор 01.06.84. Подписано в печать 20.11.84. А 00213. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,90. Усл. кр.-отт. 5,43. Уч.-изд. л. 5,38. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 4573. Цена 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Павел Иванович Позняк

ЛЕГЕНДАРНЫЙ НАЧДИВ

О Н. А. Щорсе

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

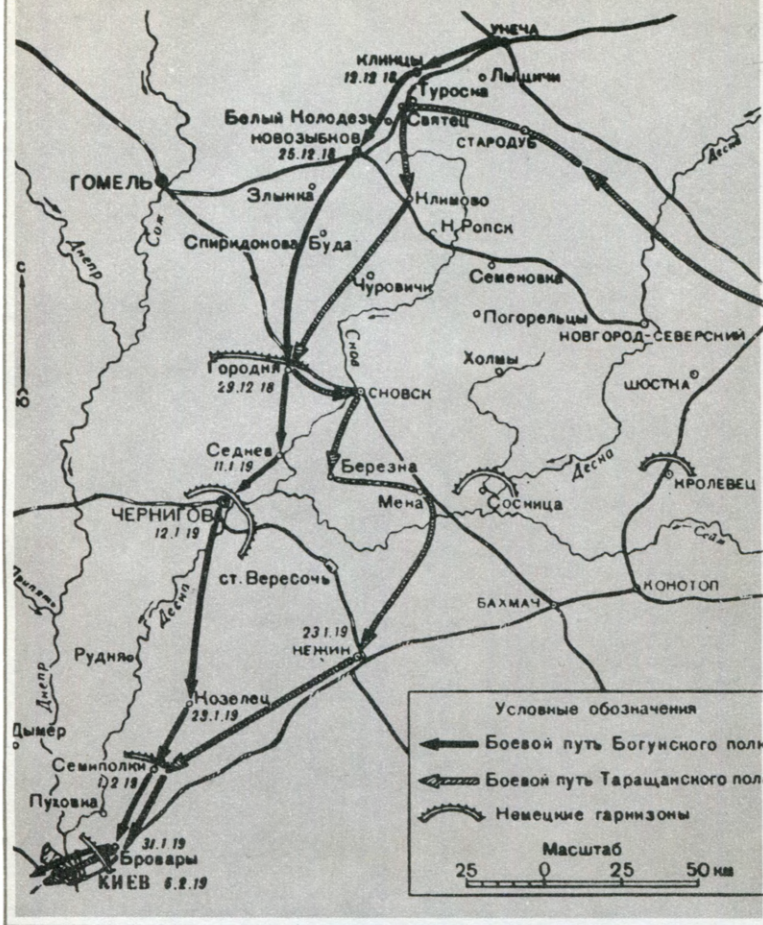
Редактор *Л. И. Стебакова*

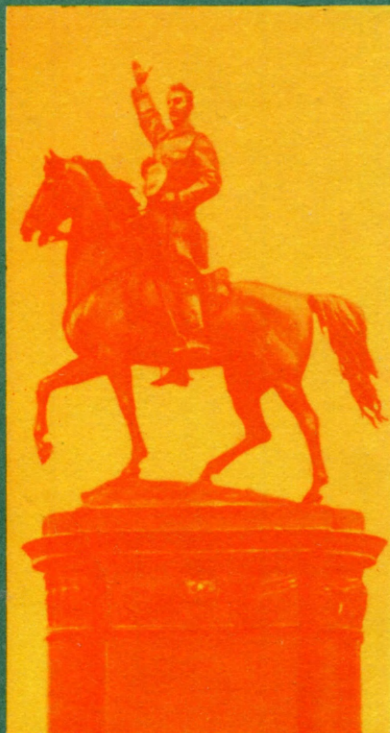
Младший редактор *Т. А. Ходакова*

Художник *А. А. Брантман*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *В. П. Крылова*

В серии «Герои Советской Родины» выходят очерки о лучших людях нашей страны — профессиональных революционерах, старых большевиках — соратниках В. И. Ленина, героях гражданской и Великой Отечественной войн, героях труда — рабочих, колхозниках, ученых. Это люди разных поколений, но они едины в своей преданности делу революции, делу партии.

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ